

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И
НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ.

“БОРИСОГЛЕБСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ”.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ.

КАФЕДРА ИСТОРИИ И МЕТОДИКИ ЕЁ ПРЕПОДАВАНИЯ.

РЕФЕРАТ

Гвардия в декабрьские дни 1825г.

Содержание:

Введение.....

ГЛАВА 1

Общий обзор состояния русской гвардии к декабрю 1825 г. ....

Причины движения декабристов .....

Движущие силы восстания 14 декабря 1825 года и их создание. ....

ГЛАВА 2

Организация и ход вооруженного восстания на Сенатской площади. ....

➤ Подготовка к восстанию. ....

➤ 14 декабря 1825 года. ....

➤ Потери сторон .....

➤ Наказания, наложенные на руководителей и участников восстания. ....

➤ Наказания, наложенные на гвардейских офицеров.....

➤ Наказания, наложенные на гвардейских солдат и матросов. ....

➤ Награды правительственным войскам .....

ГЛАВА 3

Краткий военный разбор вооруженного столкновения 14 декабря 1825 года.....

➤ Руководители обеих сторон.....

➤ Штабы и связь. ....

➤ Состав сторон.....

➤ Организованность, вооружение и снабжение сторон. ....

➤ Планы действий и их выполнение. ....

Заключение.....

Приложение №1 .....

Приложение №2.....

Список используемой литературы:.....

Сноски:.....

Введение.

«14 декабря нельзя ни чествовать, ни праздновать, в этот день надо плакать и молиться» так говорили о памятной дате декабристы.¹

Невозможно понять, что произошло 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, если знать, что же именно было задумано декабристами, на каком плане они остановились, что именно надеялись совершить. События обогнали декабристов и вынудили их выступить раньше тех сроков, которые были ими определены. Всё резко изменилось поздней осенью 1825 г. В ноябре 1825 г. неожиданно умер вдали от Петербурга, в Таганроге, император Александр I. Сына у него не было, и наследником престола являлся его брат Константин. Но женатый на простой дворянке, особе не царской крови, Константин по правилам престолонаследия не мог бы передать престол своим потомкам и поэтому отрёкся от престола. Наследником Александра I должен был стать следующий брат, Николай - грубый и жестокый, ненавидимый в армии. Отречение Константина держали в тайне - о нём знал лишь самый узкий круг членов царской семьи. Необнародованное при жизни императора отречение не получило силы закона, поэтому наследником престола продолжал считаться Константин; он воцарился после смерти Александра I, и 27 ноября население было приведено к присяге Константину. Формально в России появился новый император - Константин I. В магазинах уже выставили его портреты, успели даже отчеканить несколько новых монет с его изображением. Но Константин престола не принимал, одновременно не желал формально отречься от него в качестве императора, которому уже принесена присяга. Создалось двусмысленное и крайне напряжённое положение междуцарствия. Николай, боясь народного возмущения и ожидая выступления тайного общества, о котором уже было осведомлён шпионами-доносчиками, решился, наконец, объявить себя императором, так и не дождавшись от брата формального акта отречения. Была назначена вторая присяга, и как говорили в войсках, «переприсяга», - на этот раз уже Николаю I. Переприсяга в Петербурге была назначена на 14 декабря. Декабристы ещё при создании своей организации приняли решение выступить в момент смены императоров на престоле. Этот момент теперь и наступил. В то же время декабристам стало известно, что они преданы, - доносы предателей Шервуда и Майбороды уже лежали на столе у императора; ещё немного - начнётся волна арестов.

Члены тайного общества приняли решение выступать. Нужно сказать, что существует ряд других мнений и интерпретаций событий того времени, они имеют множество и восхищающих, и осудительных реплик. Но всё же все существующие источники по разному описывают непрерывно нарастающую напряженность и с той и с другой стороны российского общества. Первым делом все источники можно разделить на три большие группы:

1. Следственные дела.
2. Источники личного происхождения, включающие в себя письма, дневники, мемуары.
3. Публицистика и художественные произведения.

1. Следственные дела — самый обширный и часто используемый вид источников. Они создавались на протяжении работы Следственной комиссии по делу декабристов с 17 декабря 1825 г. по 17 июня 1826 г. По своей структуре это неоднородный источник, включающий в себя не только вопросы к подсудственным и ответы на них, но также бумаги, изъятые при аресте или выявленные в ходе следствия, среди которых такие важнейшие памятники декабризма, как «Русская Правда» и другие сочинения П.И. Пестеля, «Любопытный разговор», «Обозрение хода Общества» и «Конституция» Н.М. Муравьева, «Прав

славный Катехизис» С.И. Муравьева-Апостола, «атеистическое» стихотворение А.П. Бартинского на французском языке и другие. Включают в себя следственные дела и личные письма, написанные заключенными на имя императора Николая I и других следователей. На протяжении всей работы Следственной комиссии велись журналы и писались докладные записки, фиксирующие порядок допросов и первичные показания подследственных. После того, как тот или иной декабрист устно отвечал на вопросы следователей, его отправляли в камеру, снабдив вопросными пунктами, на которые он должен был дать письменные ответы. При этом устные сжатые свидетельства и развернутые письменные показания не всегда совпадали друг с другом. В камере заключенный имел возможность рассмотреть и обдумать то, о чем можно было сказать и о чем следовало бы умолчать. Поэтому сопоставления материалов следственных дел с содержанием журналов и докладных записок имеет существенный источниковедческий смысл. Завершилось следствие над декабристами написанием «Всепопданнейшего доклада Следственной комиссии от 30 мая 1822 г.» (автор Д.Н. Блудов). Это первый опыт связного изложения истории декабристского движения на основе следственных дел. Впервые опубликованный 12 июня 1826 г. в приложении к газете «Русский инвалид» под названием «Донесение Следственной комиссии» и в том же году вышедший отдельными изданиями на русском и французском языках, он долгие годы стал официальной версией декабристского движения. Говоря об источниковедческой ценности следственных дел декабристов, исследователи почти единодушно отмечают, что показания подследственных источник ненадежный, так как его появление на свет продиктовано желанием не рассказать, а скрыть истину. Но при этом априорно предполагалось, что в раскрытии истины было заинтересовано следствие. И таким образом путем сопоставления следственных дел между собой, а также первичных и последующих показаний подследственных можно получить пусть относительно, но все же достоверную в основных чертах картину. Однако новейшие исследования О.И. Киянской показывают, что следствие, а точнее самый главный следователь — Николай I — отнюдь не был заинтересован в полном и беспристрастном проведении расследования. Киянская обратила внимание на то, что в основе «Донесения Следственной комиссии» лежат показания П.И. Пестеля, возможно, согласованные им предварительно с Николаем I. На основе этих показаний строились вопросные пункты и получались нужные ответы подследственных. Царя интересовала не истина, а возможность представить декабризм тайной организацией, вынашивающей царубийственные замыслы.

Таким образом, следствие не столько установило истину, сколько формировало представление о декабризме как едином движении, направленном на борьбу с существующим режимом. В самых различных модификациях это представление существует и по сей день.

2. Источники личного происхождения можно разделить на две группы: письма, дневники и воспоминания самих декабристов и их современников, оставивших о них свидетельства. Первая группа четко делится на документы, созданные до восстания и документы, созданные после восстания. Свидетельств, современных существованию тайных обществ, исходящих от их непосредственных участников осталось крайне мало. Почти весь корпус документов, способных хоть как-то скомпрометировать участников движения, был уничтожен в тревожные дни ожидания арестов. Те письма, которые случайно уцелели, как правило, не касаются вопросов, связанных с деятельностью тайных обществ, и представляют интерес лишь в плане персонального изучения декабристов. Сюда следует отнести письма Н.М. Муравьева его матери Е. Ф. Муравьевой, писавшиеся на протяжении 1812–1822 гг., его письма к жене А.Г. Муравьевой 1825 г., его же переписка (сохранились лишь отдельные письма) с М.С. Луниным, двоюродным братом, письма П.И. Пестеля к П.Д. К.

селеву. В плане формирования декабристской идеологии любопытны письма членов Священной артели, ставших впоследствии членами декабристских организаций к Н. Н. Муравьеву-Карскому, охватывающие период с 1810 по 1834 гг. Для характеристики литературной истории декабризма интересна переписка А.С. Пушкина с членами Северного общества К.Ф. Рылеевым и А.А. Бестужевым. Что касается дневников, то они сохранились еще меньшем виде. Если не считать дневников Н.И. Тургенева, о которых речь ниже, единственным источником будет «Памятная книжка» А. А. Бестужева, представляющая собой отрывочные записки дневникового характера за 1823—1824 гг. Ее источниковедческое значение для реконструкции движения декабристов минимально. Исключение составляют дневники и письма декабриста Н.И. Тургенева. Его архив по счастливой случайности (Тургенев находился за границей во время восстания и следствия) избежала плачевной участи большинства декабристских архивов до 1826 г. Сохранились дневники и письма Н.И. Тургенева за много лет, начиная с 1806 г. Из них опубликованы как раз те, что охватывают преддекабристский и декабристский период: 1806—1824 гг. Дневники и письма Тургенева позволяют проследить процесс формирования декабристской идеологии, содержат яркие характеристики политической повседневности современной ему России и Европы. Особенно идеологически насыщенными являются его письма к брату Сергею, опубликованные А. Н. Шebuниным

Что касается свидетельств о декабристах их современников до 1826 года, то их крайне мало и имеют они довольно случайный характер. Это объясняется тем, что современники интересуют, как правило, люди, выделяющиеся на общем фоне эпохи. Среди членов тайных обществ до тех пор, пока они не проявили себя в восстаниях, таких людей было не много. Единичные имена членов тайных обществ мелькают на страницах писем Н.М. Карамзина, А.И. Тургенева, П.А. Вяземского, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина и др. Интересным психологическим источником являются письма С. М. Салтыковой, возлюбленной П.А. Каховского и впоследствии жены А. А. Дельвига, к своей подруге А. Н. Карелиной. В них рассказывается история ее романа с декабристом.

После восстания и следствия создается новый корпус декабристских источников. Это в первую очередь мемуары и письма. По не совсем достоверному свидетельству Д. И. Забелина, приводимому с его слов М. В. Максимовым, декабристы еще в Читинском остроге задумали написать коллективную «историю 14 декабря». Возможно, что «Записки» И.И. Горбачевского об Обществе соединенных славян и восстании Черниговского пехотного полка, являющиеся, скорее всего, плодом коллективного творчества, представляют собой фрагмент этого замысла. Но как бы то ни было, в сибирский и послесибирский период декабристы составили целую серию первоклассных мемуаров. В настоящее время большинство из них изданы в иркутской серии «Полярная звезда».

Наибольшую ценность представляют записки И.Д. Якушкина, С.Г. Волконского, С.П. Трубецкого, Н.И. Лорера, Н.В. Басаргина, Н.А. Бестужева, В.И. Штейгейля и др. В этих и других мемуарах сложилась устойчивая канва, положенная в основу дальнейших исследований: Отечественная война 1812 года и Заграничные походы как истоки декабристского движения, ранние тайные общества: Союз спасения и Союз благоденствия и Южное и Северное общества, затем следствие, суд и Сибирь. Довольно редко те или иные эпизоды декабристской молодости всплывают в многочисленных письмах декабристов из Сибири. Их содержание в основном ограничивается событиями и бытом сибирской ссылки. Сохранились эпистолярные массивы многих сибирских узников: С.П. Трубецкого, И.И. Пущина, М.А. Фонвизина, А.В. Поджою, А.Ф. Бригена, М.А. Бестужева и Н.А. Бестужева.

После восстания 1825 г. растет количество мемуарных свидетельств современников о декабристах. Наибольшую ценность представляют «Воспоминания старика» Н.И. Греча, в

рая часть которых полностью посвящена декабристам и содержит яркие, хотя и не все справедливые, характеристики П.И. Пестеля, К.Ф. Рылеева, А.А. Бестужева, Н.И. Тургенева, Н.М. Муравьева. Немало говорится о декабристах и на страницах лучших мемуаров Александровской эпохи Ф. Ф. Вигеля. Особенно взволновало русское общество казни декабристов. Обширный корпус исторических свидетельств об этом событии сравнительно недавно был собран, прокомментирован и опубликован П.В. Ильиным.

3. Публицистику и художественную литературу, как и источники личного происхождения, следует разделить на написанные до и после восстания 14 декабря 1825 года. К числу наиболее значительных памятников декабристской публицистики до 14 декабря обычно относят «Русскую правду» П. И. Пестеля и "Конституцию" Н. М. Муравьева. «Русскую правду» Пестеля часто не совсем справедливо считают конституционным проектом, аналогичным по жанровой природе Конституции Муравьева. В действительности это не так. Если Конституция Муравьева это действительно конституционный проект со всеми его формальными признаками, то текст Пестеля представляет собой сложное жанровое образование и включает в себя, помимо конституционных элементов, философские размышления о природе власти, общественно-политические мысли о государственном строе, публицистические обличения военных поселений, рекрутских наборов, федеративного устройства.

Другим и можно сказать особым видом декабристской публицистики могут служить рецензии М.Ф. Орлова в литературном обществе «Арзамас» и в Библейском обществе, а также ересь критика «Истории государства Российского» Карамзина, в которой излагается характерный для декабризма патриотический подход к истории в ущерб исторической достоверности. С этих же позиций Карамзина критиковал и Н. М. Муравьев. К числу пропагандистских документов следует отнести и «Православный Катехизис» С. И. Муравьева-Апостола.

Вопрос о художественной литературе как источнике по изучению декабризма представляет ряд трудностей как из-за общей неразработанности проблемы «художественная литература как исторический источник», так и из-за того, что далеко не все художественные произведения, написанные декабристами, могут считаться источником по изучению декабристского движения. Заметим, что к числу источников следует относить художественные тексты, так или иначе задействованные членами тайных обществ в пропаганде их идей. Это не обязательно произведения, написанные самими декабристами. Большую роль в декабристской пропаганде сыграла политическая лирика Пушкина, ряд политических стихотворений П.А. Вяземского «Негодование», «Петербург».

После 14 декабря декабристская публицистика играет существенную роль в исторической рефлексии бывших членов тайных обществ. Мемуары многих декабристов, как например А.В. Поджио, братьев Бестужевых, написаны с изрядным публицистским пафосом. Но помимо этого создавались и чисто публицистические произведения, как например, «Письма из Сибири» и цикл статей М.С. Лунина, «Оправдательные записки» и «Россия и русские» Н. И. Тургенева. Главное для них — опровергнуть «Донесение следственной комиссии». Характерно то, что, опровергая этот документ, полемизируя с его оценками, умолчаниями и т. д., декабристы в целом приняли канву движения, составленную Блудовым, и закрепили ее в исторической памяти. Таким образом, это «лживое», по общему признанию декабристов и сочувствующих им историков, «Донесением Следственной комиссии» стало основой всей дальнейшей историографии. Первым использовал эти документы в своем историческом труде «Восшествие на престол императора Николая I» барон М.А. Корф. Эта книга писалась в 1848 г. по инициативе наследника престола Александра Николаевича и личного одобрения Николая I исключительно для внутреннего пользования императорской

фамилии. Первые два издания 1848 и 1854 гг. были отпечатаны в количестве 25 экземпляров, и только третье издание 1857 г., уже после смерти Николая I, появилось с пометкой «первое для публики». Почти сразу книга была перепечатана Герценом в Лондоне и вызвала его резкую критику. В противовес официальной версии уже к середине XIX в. сложились две основные концепции. Первая — революционно-публицистическая, идущая от А.И. Герцена. Он писал и декабристах неизменно восторженно и представлял их в образе «рыцарей, с головы до ног, кованных из чистой стали», которые «разбудили целое поколение». Это, конечно, легенда, порой весьма далекая от фактов. При ее анализе необходимо учитывать, что Герцен не знал следственных дел, а сами декабристы, как будто сговорившись, никогда и нигде не признавались в своем поведении на допросах. Они как бы вычеркнули месяцы унижительного следствия и проявленную многими из них душевную слепоту из собственной коллективной памяти. И все-таки герценовская легенда о когорте богатырей, пожертвовавших собой ради свободы, не могла бы существовать, если бы была чистым вымыслом. Многие стороны декабризма Герцен уловил верно. И хотя в его распоряжении не было того обширного фонда документов, которым располагает современный историк, он и декабристы находились внутри единой непрерывной традиции. Декабризм дошел до него в устной истории. Он был лично знаком с некоторыми участниками движения и со многими лично знавшими их современниками. Поэтому недостаток письменных источников для него компенсировался уникальными устными свидетельствами, теперь уже навсегда утраченными.

Почти одновременно с Герценом о декабристах писал Н. И. Тургенев. Сам в прошлом декабрист, он отошел от движения в 1824 г. и тогда же эмигрировал в Европу. В 1847 г. в Париже на французском языке вышел его трехтомный труд «La Russie et les russes» (Россия и русские). В отличие от Герцена, революционизирующего декабристов, Тургенев рассматривает все движение как либеральное, берущее свои истоки в реформаторских начинаниях Александра I. Он не только отказывается признать декабристов революционерами, но даже отрицает антиправительственную направленность их деятельности. По его мнению, инициатива реформ принадлежала правительству, а тайное общество поверило царю и пошло за ним. Когда же Александр I отрекся от собственного курса, декабристы лишь продолжили начатое им дело. Концепция Тургенева столь же односторонняя и тенденциозная, как и легенда Герцена. Но, как и Герцен, бывший декабрист верно обрисовал многие стороны движения, в частности его связь с правительственным либерализмом. Книга Тургенева оказала огромное влияние на известного историка А.Н. Пыпина. В 1870 г. на страницах журнала «Вестник Европы» Пыпин начал публиковать исторические очерки под общим заглавием «Общественное движение в России при Александре I». Потом они неоднократно переиздавались в виде отдельной монографии. Как и Н. И. Тургенев, Пыпин рассматривает декабризм как составную часть общего либерализма Александровской эпохи. В тайных обществах он видит прямое продолжение попыток реформ Негласного комитета и деятельности М.М. Сперанского. Поэтому неслучайно, что практически весь декабризм историк сводит к Союзу благоденствия.

Начиная с правления Александра II в печати, сначала заграничной (герценовской), а потом и российской, начали появляться отдельные мемуары декабристов. Чуть позже стали появляться следственные дела. Первым их использовал официальный историк М. И. Богданович в шестом томе своей монографии «История царствования императора Александра I и России его времени». Это были скудные цитаты, но представления о декабристах они расширили. В целом же концепция Богдановича мало чем отличалась от корфовской. Для него декабристы — мятежные дворяне, восставшие против законного государя, и события на Сенатской площади трактуются им как неудачная попытка в духе характерных для

XVIII в. дворцовых переворотов. Следующий шаг, приоткрывающий тайну декабристских дел, сделал Н.К. Шильдер, опубликовавший в приложении к первому тому своей неоконченной книги «Император Николай Первый. Его жизнь и царствование» отрывки из следственных дел.

Новый этап в изучении декабристов начался после революции 1905 г., когда цензура фактически сошла на нет, а исследователи получили доступ к архивам. Начался своего рода декабристоведческий бум. В 1906—1907 гг. М. В. Довнар-Запольский буквально друг друга выпустил три тома исследований и документов: «Тайное общество декабристов», «Мемуары декабристов» и «Идеалы декабристов». Несмотря на огромное количество ошибок, как текстологического, так и фактического характера, эти книги сыграли огромную роль в пробуждении исследовательского интереса к декабристам. В числе опубликованных Довнар-Запольским источников была и "Конституция" Н. М. Муравьева, впервые введенная им в научный оборот в 1906 г.

В том же 1906 г. П.Е. Щеголев издал текст «Русской правды» П. И. Пестеля. Член партии эсеров, человек огромных научных возможностей и неуемного исследовательского темперамента, Щеголев сделал необычайно много для изучения декабризма. Он заложил основу ряда научных направлений, таких как «Пушкин и декабристы», «Грибоедов и декабристы». С него началось научное изучение «первого декабриста» В.Ф. Раевского. Свои концепции Щеголев строил, как правило, на основе им же найденных и введенных в научный оборот источников.

Всего за 3—4 года после революции 1905 г. декабристоведение сложилось как самостоятельное научное направление. Количество накопленных фактов и введенных в научный оборот источников стало таково, что возникла потребность в обобщающем труде. В 1909 г. такой труд появился. Им стала монография В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов». Исследование Семевского базировалось на беспрецедентной по своей широте источниковой базе. Он не только использовал все имеющиеся на тот момент источники, но провел широкое самостоятельное исследование декабристских архивов, в результате чего количество документов, введенных в научный оборот, едва ли не удвоилось. В концептуальном плане Семевский попытался объединить революционную концепцию Герцена и либеральную Пыпина. Он связал преобразовательные проекты декабристов не только с либеральными намерениями Александра I, но и со всей историей русского оппозиционного реформаторства, начиная со стремления верховников ограничить власть Анны Иоанновны в 1730 г. Особое внимание Семевский уделяет взглядам декабристов на крестьянский вопрос, откуда, по его мнению, тянутся нити к революционному народничеству. Исследование Семевского до сих пор сохраняет научную ценность как наиболее полный свод данных о декабристских воззрениях на различные стороны российской жизни. Еще до выхода в свет монографии Семевского начала складываться новая концепция декабризма, ставившая целью разрушить как герценовскую революционную, так и пыпинскую либеральную легенды. Ее автором был первый отечественный историк-марксист М.Н. Покровский. Как и всю историю, Покровский трактовал декабризм в духе вульгарного материализма. Согласно концепции Покровского, Россия эпохи Александра I — страна торгового капитала, находящегося накануне промышленного переворота. Помещикам, чьи хозяйства оказались втянутыми во внешнеторговые связи, было выгодно продавать хлеб на экспорт. Но низкая производительность крепостного труда препятствовало выгодному ведению внешней торговли. Поэтому они были заинтересованы в отмене крепостного права и в переходе деревни на буржуазно-капиталистические отношения. Покровский напрямую отождествлял материальное положение дворянина с его идеологией. Чем меньше крепостных у дворянина, тем он беднее, а следовательно, тем революционнее. Поскольку сре-

декабристов были люди различного материального достатка, то говорить о единой декабристской идеологии нельзя. Ее не было и быть не могло. При этом доходы декабристов Покровский считал грубо, что называется на глазок. Поэтому у него выходило, что самые богатые из них состояли в Северном обществе, победнее — в Южном, и уж совсем голытьба собралась в Обществе соединенных славян. Таким образом получался следующий расклад. Крупнопоместные «северяне» были либералами, склонными, как и все либералы, к политическому ренегатству. Мелкопоместные «южане» были более революционными, но тоже имели склонность к соглашательству, хотя и не так ярко выраженную, как северяне. Только «безземельное» Общество соединенных славян, состоявшее из бедных армейских прапорщиков, воспитанных на медные деньги с ярко выраженной плебейской психологией и ненавистью к дворянской культуре, было подлинно революционным..

Об Обществе соединенных славян написала свою первую монографию ученица Покровского М.В. Нечкина. Вышедшая в 1927 книга Нечкиной до сих пор остается единственной монографией по соединенным славянам. В духе идей Покровского исследовательница трактует «славян» как прямых предшественников революционных демократов, опередивших свое время. Позже Нечкина отречется от идей своего учителя и «пересмотрит» собственную концепцию Общества соединенных славян.

При всех очевидных недостатках и даже анекдотичности школа Покровского имела и ряд положительных моментов. Во-первых, было обращено внимание на неоднородность и противоречивость декабристского движения. Оказалось, что декабристы не укладываются в одну из существующих базовых концепций. Во-вторых, необходимо учесть, что под редакцией Покровского началась в 1925 г. публикация следственных дел на основе текстологических выверенных принципов. Именно с этого момента можно говорить о начале декабристской текстологии, а следовательно, подлинно научном изучении декабристов.

В 1925 г. в связи с приближающимся столетием восстания декабристов развернулась дискуссия, следует ли отмечать этот юбилей. Мнения разделились следующим образом. Одни считали, что если вслед за Герценом признать декабристов революционерами, то они окажутся основоположниками русского освободительного движения, и тогда юбилей отмечать, безусловно, надо. Другие, придерживаясь либеральной версии, утверждали, что с декабристов начинается история политического ренегатства, и тогда праздновать нечего. С Покровским, исходя из неоднородности декабристского движения, высказал мнение, что отмечать следует не восстание на Сенатской площади, а восстание Черниговского полка. Эти споры велись на фоне широкой исследовательской работы. В 1920-е гг. в исторической науке сформировалась целая плеяда замечательных декабристоведов. Исследователи сосредоточились на частных, сравнительно узких проблемах декабристского движения, что, безусловно, способствовало более углубленному пониманию движения в целом.

Главным событием декабристоведения 1920-х гг. стал выход первых томов «Восстания декабристов», содержащих в себе материалы следственных дел. Работа велась оперативно. Первые шесть томов вышли меньше чем с годовым интервалом — с 1925 по 1929 гг. под редакцией М. Н. Покровского. В первых трех томах материалы основных членов Северного общества: С. П. Трубецкого, Н. М. Муравьева, К. Ф. Рылеева, Е.П. Оболенского, братьев Бестужевых, И. И. Пущина, В. К. Кюхельбекера, М. С. Лунина, М. А. Фонвизина и др. В четвертом томе дела П. И. Пестеля и С. И. Муравьева-Апостола. В пятом томе Общество соединенных славян, шестой полностью посвящен восстанию Черниговского полка. Его подготовил Ю. Г. Оксман.

Имя этого ученого по праву занимает одно из первых мест в декабристоведении. Оксман впервые собрал воедино все источники, касающиеся восстания Черниговского полка. В результате буквально по крупицам ему удалось воссоздать целостную картину событий, к

торая раньше изображалась лишь во фрагментарном и искаженном виде. По количеству введенных в научный оборот и прокомментированных источников с Оксманом вряд ли может сравниться. Своеобразие его исследовательского почерка заключалось в умении увидеть за разрозненными источниками целостную картину событий. Он виртуозно устанавливал связи между документами, на первый взгляд не имеющими между собой ничего общего. Комментируя источник, он выявлял всю совокупность линий, связывающих его с эпохой. Не менее значительными были его текстологические работы. Наряду с публикациями вновь обнаруженных документов, среди которых подлинной сенсацией стали воспоминания П.А. Катенина о Пушкине, Оксману принадлежат убедительные реконструкции несохранившихся оригиналов агитационных песен Бестужева и Рылеева, политические стихотворений Пушкина и др. Как и для многих крупных декабристоведов 1920-х гг., для Оксмана декабристоведение тесно сплеталось с пушкинистикой. Одной из центральных тем его исследований стала проблема «Пушкин и декабристы». В 1935 г. в «Литературной газете» появилось сообщение, что ученый заканчивает работу над монографией на эту тему. Но в следующем году Оксман, был арестован, и его исследовательская работа прервана на десять лет. После возвращения с Колымы ученому назначили местом ссылки Саратов. Там он основал школу декабристоведения, из которой в дальнейшем вышли выдающиеся декабристоведы В. В. Пугачев и И. В. Порох. Пугачев продолжил оксмановские исследования Пушкина и декабристов, а Порох — восстания Черниговского полка. Среди блистательной плеяды декабристоведов 1920-х гг. следует также выделить С.Н. Чернова, А.Н. Шебунина, А.Е. Преснякова, Н.М. Дружинина. Каждый из них обладал неповторимой и исследовательской манерой. Чернов, например, был мастером психологической интерпретации документа. Исследуемые факты движения декабристов, будь то поведение М.Ф. Орлова на Московском съезде Союза Благоденствия или переход Пестеля с монархических позиций на республиканские он рассматривает как пересечения множества рядов, причем не только идеологических, но и семейных, бытовых, общекультурных и т. д. Он, пожалуй, первый, кто стал писать о декабристах не как о деятелях, а как о живых людях. Такой подход в принципе исключал любые однозначные оценки и не укладывался ни в какие идеологические догмы. Неслучайно его монография о Пестеле, написанная в середине 1920-х гг., была опубликована только в 2004 г..

Не утратили до сей поры своего значения и работы А. Н. Шебунина. Специалист по русской и европейской политической истории конца XVIII — начала XIX вв., Шебунин исследовал движение декабристов на широком фоне современных им западных идеологических течений. Особенно много историк сделал для изучения архива братьев Тургеневых. Он издавал, прокомментировал и снабдил концептуальной статьей «Братья Тургеневы и дворянское общество Александровской эпохи» письма декабриста Н. И. Тургенева к брату Сергею Ивановичу. Им же написан популярный биографический очерк «Николай Иванович Тургенев». В шебунинском архиве, хранящимся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, лежит неопубликованная монография «Декабристы», написанная в 1925 г. В движении декабристов Шебунин выделяет три течения: 1) сословно-дворянское, выраженное в Ордене русских рыцарей, взглядах Г.С. Батенькова, А.А. Бестужева и др.; 2) либеральное, представленное Н.И. Тургеневым, Н.М. Муравьевым, С.П. Трубецким, И.Я. Якушкиным и др. и 3) демократически-якобинское, выразителем которого был Пестель. Все эти три течения А. Н. Шебунин связывает с влиянием трех представителей французского либерализма соответственно: 1) Мадам де Сталь, 2) Бенжамена Констан, 3) А.-К.-Детю де Траси.

При всей стройности такой концепции нельзя не отметить ее схематичности. Не совсем понятно, на чем основывается А. Н. Шебунин, полагая, что Констан влиял на Н. И. Турге-

нева сильнее, чем де Сталь, а Детю де Траси больше повлиял на Пестеля, чем на Н. М. Муравьева. И тем не менее в изучение проблемы «Декабристы и французская общественно-политическая мысль» А. Н. Шебунин внес наибольший вклад. Им впервые был выявлен декабристской идеологии пласт идей, восходящих к либеральной публицистике эпохи Реставрации. К сожалению, в силу того, что монография А. Н. Шебунина не была опубликована, его идеи не получили дальнейшего историографического развития, и позднейшие декабристологи, касавшиеся этого сюжета, брали за точку отсчета, главным образом, книгу В. И. Семевского.

Н.М. Дружинин в 1929 г. опубликовал статью «Масонские знаки П. И. Пестеля», существенную для понимания истоков формирования декабризма. Эта статья до сих пор является одним из лучших исследований на тему «Декабристы и масонство». Чуть позже появилась монография Дружинина «Декабрист Никита Муравьев». Эта единственная до сих пор книга о Н.М. Муравьеве несет на себе печать своего времени. Мировоззрения Муравьева трактуется в духе школы Покровского и связывается с изменением в имущественном положении декабриста. Так, например, переход Муравьева на более умеренные позиции после 1820 г., его расхождения с Пестелем историк объясняет выгодной женитьбой декабриста на А.Г. Чернышевой, принесшей ему богатое приданное в виде деревень и крепостных крестьян. В то же время ценность монографии Дружинина заключается в том, что он выявил все имеющиеся списки Конституции Муравьева и решил текстологическую проблему, связанную с этим документом.

Первый опыт монографического исследования восстания на Сенатской площади был предпринят А.Е. Пресняковым. Главное внимание Пресняков сосредоточил на причинах неудач восстания. Объяснял это он слабостью дворянской революционности как таковой. По его мнению, сказался присущие либералам вообще колебания. Они-то и помешали восставшим захватить власть в свои руки. В приложении к книге Преснякова была опубликована ценная статья Г.С. Габаева о роли гвардии в событиях 14 декабря. В целом 1920-е годы дали необычайно много для изучения декабризма. Перечисленные выше исследования в многом до сих пор не утратили своего научного значения и обращение к ним современными декабристоведами вполне закономерно.

В 1930-е гг. наблюдается спад в исследовании декабризма, связанный с общим спадом гуманитарных наук, который в свою очередь был вызван развернувшимся в стране террором. Появляющиеся время от времени публикации источников и исследования фактически были продолжением начатых десятилетием раньше исследований.

Новый подъем декабристологии приходится на 1950-е гг. Наиболее значительным явлением стал выход трех томов «Литературного наследия», посвященных декабристам. Одним из основных участников этого издания был Ю.Г. Оксман. Им были опубликованы и тщательно прокомментированы неизвестные ранее тексты К.Ф. Рыльева, воспоминания о нем и письма В.Ф. Раевского. Другим активным участником издания был М.К. Азадовский. Придя в декабристологию еще в 1920-е гг., Азадовский занял в ней своеобразное место. Необыкновенно широкий диапазон его исследований позволил ему рассматривать декабристов не только в общественно-политическом плане, но и в связи с историей литературы, краеведением и даже фольклористикой и этнографией. Его первая статья о декабристах называлась «Николай Бестужев—этнограф». Принимая участие в сибирских фольклорных экспедициях летом 1924 г., Азадовский записал воспоминания одного старого крестьянина, лично знавшего декабриста В. Ф. Раевского.

Как декабристолог Азадовский выступал в различных качествах: публикатор, комментатор, автор концептуальных работ. Главный его труд — большая работа «Затерянные и утраченные произведения декабристов» — появилась в 1954 г. Мобилизовав весь корпус источ-

ков по движению декабристов, Азадовский выбрал из них сведения о тех документах, которые до нас не дошли и предпринял попытку их реконструкции. В результате выяснилось, что фонд источников, которым располагают исследователи при всей его обширности все-таки лишь незначительная часть того, что в действительности было написано декабристами. Благодаря исследованию Азадовского стало возможным представить масштабы сожженных декабристами собственных бумаг в ожидании ареста.

В 1950-е гг. была продолжена публикация следственных дел - теперь уже под редакцией М.В. Нечкиной, остававшейся руководителем этого продолжающегося издания вплоть до своей смерти. Под ее редакцией вышли 7, 9—18 тома, из них 7, 9—11 появились в 1950-х гг. Особое значение имел выход 7 т. в 1958 г. В нем впервые был опубликован значительный корпус произведений Пестеля, в том числе и первая научная версия «Русской Правды». Текстологическая работа над «Русской Правдой» началась еще в 1920-х гг. С. Н. Черновым, Б. Е. Сыроечковским и А. А. Покровским. К концу 1930-х она практически была закончена и сдана в набор. Однако перед самой войной набранный 7-й том «Восстания декабристов» был рассыпан, и после войны работу пришлось начинать заново уже без погибшего во время войны Чернова. В основу текстологии «Русской Правды» был положен метод последовательных редакций. Исследователи пришли к выводу о существовании двух редакций, отличающихся между собой в идеологическом плане.

Подготовка 7 тома стимулировала изучение Пестеля. Наибольшую роль здесь сыграли исследования Б. Е. Сыроечковского. Им была задумана большое монографическое исследование жизни и мировоззрения Пестеля. Однако замысел не был доведен до конца. Сыроечковский успел написать лишь цикл статей о декабристе, посвященных различным сторонам его деятельности. Можно сказать, что смерть помешала ученому довести работу до конца. Однако, зная направление его поисков, выходящих за рамки истории тайных обществ, можно предположить, что если бы работа и была завершена, она вряд ли была бы в то время опубликована, по тем же причинам, по которым не была опубликована и монография Чернова. Пестель с его ярко выраженным честолюбием, стремлением к власти, неразборчивостью в средствах с трудом укладывался в рамки революционной морали, предписываемой советской идеологией.

Зато в эти рамки прекрасно уложилась вышедшая в 1955 г. двухтомная монография М.В. Нечкиной «Движение декабристов», явно претендующая на то, чтобы стать официальной директивой для дальнейшего изучения декабризма. После монографии В. И. Семевской это был второй обобщающий труд. Однако, в отличие от своего предшественника, нечкинская монография насквозь конъюнктурна. Декабристы, в ее изображении, нестигаемые революционеры. История тайных обществ представлена исследовательницей как путь последовательного революционного созревания. Все противоречия движения сняты, отрицается как влияние на декабристов европейской идеологии, так и их связь с правительственным либерализмом.

Наступившая в 1956 г. хрущевская «оттепель» открыла возможность для критического осмысления двухтомника Нечкиной. Главным ее оппонентом выступил Ю. Г. Оксман и его ученики. Оксман, в целом оставаясь в рамках революционной легенды о декабристах, считал неправомерным стремление Нечкиной всячески расширить масштабы движения и списывать в декабристы всех без исключения членов тайных обществ. Еще задолго до появления монографии Нечкиной, в конце 1940-х гг. между Оксманом и выдающимся историком литературы Г.А. Гуковским развернулась полемика о том, кого считать декабристами. По независящим от ученых причинам (сначала сидел Оксман, а когда он вышел, вскоре был арестован и умер в тюрьме Гуковский) эта полемика не появилась на страницах печати и в настоящее время она известна лишь в изложении их ученика В. В. Пугачева.

двух своих монографиях «Пушкин и русские романтики» и «Пушкин и проблемы реалистического стиля» Гуковский изложил свою концепцию декабризма как особого стиля в литературе, и шире культуре. Декабризм, в его представлении — «это большое идеологическое движение, захватившее почти всю передовую часть дворянской интеллигенции, создавшее целое мировоззрение и свою литературу, идейно и тематически многообразную». Кроме непосредственных участников политической революционной работы, было множество передовых людей, примыкавших к движению, сочувствующих ему, составлявших его идеологический резерв; среди них могли быть люди, ничего не знавшие о тайных обществах, но захваченные в большей или меньшей степени тем же потоком идей, тех идей, которые, закономерно вырастая на почве самой исторической действительности, свое прямое политическое выражение получили в тайных обществах. Как и всякое другое значительное и передовое идеологическое течение, «декабризм» проявился не только в области политических идей. Он оформил мировоззрение — и философское, и моральное, и эстетическое; он создал свой тип человека-героя, отмеченного специфическими чертами и в бытовых проявлениях, и во всем своем поведении; он создал свой стиль литературный в том числе» (Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 175).

При таком широком взгляде на декабризм у Гуковского сложилась концепция декабристского финала «Евгения Онегина». По его мнению, герой романа в стихах, в последней главе пережив нравственное возрождение под влияние охватившей его любви к Татьяне, стал членом тайного общества. Косвенное подтверждение концепция Гуковского находила в расшифрованных Морозовым «декабристских» строфах, якобы являющихся десятой главой «Евгения Онегина».

С этими идеями и полемизировал Оксман. Прежде всего Оксман значительно сузил круг лиц, кому, по его выражению, следовало вручать «партибилет декабриста». Критерием и следовательского отбора стало отношение к военной революции. Декабристы лишь те, кто на вопрос о революции давал положительный ответ. Что же касается «декабристского финала «Евгения Онегина», то Оксман высказал вполне обоснованное сомнение в том, что расшифрованные Морозовым строки вообще имеют какое-то отношение к роману, так как ни один из его героев в них не упомянут.

Эти положения Оксмана в дальнейшем развил В.В. Пугачев. В 1950-е гг. в декабристологии пришло новое поколение исследователей. Среди них особенно следует выделить Ю. М. Лотмана, В. В. Пугачева, С.С. Ланду. Для этого поколения исследователей характерен взгляд на декабризм как на либеральное течение. Отсюда повышенный интерес к ранним декабристским организациям и связям декабристов с либеральными деятелями Александровской эпохи.

Лотман в конце 1940-х гг., еще будучи студентом Ленинградского университета, обнаружил в Отделе рукописей Публичной библиотеки, среди бумаг масона Невзорова, «Краткое наставление Русским Рыцарям» — программный документ Ордена русских рыцарей, считавшийся утраченным. Из этой находки в дальнейшем выросло монографическое исследование Общества русских рыцарей и творчества его лидера М.А. Дмитриева-Мамонова. От исследования этой преддекабристской организации Лотман перешел к изучению раннего декабризма. Для него характерно изучение декабристов на широком фоне общественных и литературных процессов первой четверти XIX в.

В отличие от своих предшественников, писавших о либерализме декабристов, Лотман показал, что либерализм Александровской эпохи не был единым и более того внутри самого декабристского либерализма существовали различные течения. Исследование Лотмана о Вяземском и декабристах фактически стирало грань между идеологией декабризма и современными им либеральными течениями. Фактически подтверждалась концепция Гуко

ского о декабризме как широком идейном и культурном явлении, охватывающем эпоху целом.

В том же духе стирания граней между декабристами и либералами Александровской эпохи написаны и работы В. В. Пугачева. В ряде своих статей, составивших докторскую диссертацию «Из истории преддекабристской общественно-политической мысли», Пугачев нарисовал широкую картину развития либеральных идей в России первой четверти XIX в., на фоне которой специфика декабристской идеологии не может быть четко выделена. В то же время Пугачев всегда был последователем оксмановской трактовки декабристской революции и ее революционности. Для того чтобы примирить возникающее противоречие, исследователь так называемый преддекабристский период продлил до начала 1820-х гг., когда были образованы Южное и Северное общества.

Исследователи раннего декабризма особое внимание уделяли Кишиневской управе Союза Благоденствия и деятельности ее лидера генерала М.Ф. Орлова. На его примере предпринимались попытки раскрыть суть декабристского замысла военной революции. К этим проблемам в свое время обращался С. Н. Чернов в связи с выступлением Орлова на Московском съезде Союза Благоденствия. По мнению историка, Орлов после того, как Московский съезд отверг его предложения двинуть дивизию из Кишинева на Петербург, отошел от тайного общества в связи с женитьбой на дочери генерала Н.Н. Раевского. Продолжая исследования Чернова, Пугачев доказал, что генерал отнюдь не отошел от дел. Формальное неучастие в тайном обществе не помешало ему начать готовить свою дивизию к восстанию. Наблюдения Пугачева получили подкрепления в результате одного любопытного открытия С.С. Ланды, прочитавшего по-гречески свидетельство историка Филимона младшего современника греческого восстания 1821. Филимон сообщал о том, что Орлов собирался силами своей дивизии оккупировать Молдавию, отложиться от России и начать в качестве молдавского господаря войну против русского правительства.

Заметным событием в декабристоведении начала 1960-х гг. стало появление монографии С.Б. Окуня «Декабрист Лунин». Подспудный интерес к этой незаурядной во всех отношениях личности существовал давно. В 1920-е гг. С. Я. Штрайхом были опубликованы отрывки из его сочинений. Окунь впервые воссоздал полную биографию Лунина, показал его роль в тайном обществе и сделал ценные текстологические замечания к его сочинениям. При этом историк старался обходить острые углы. Он сознательно умолчал о такой важной стороне жизни Лунина, как католицизм. Подробно анализируя взгляды своего героя он затемнил его личностные качества, особенности поведения и т. д. Поэтому книга Окуня скорее пробудила, чем удовлетворила читательский интерес к Лунину.

Всего через восемь лет, в 1970 г., вышла новая книга об этом декабристе. Вместе с ней в декабристоведение вошел Н.Я. Эйдельман, по праву считающийся самым ярким исследователем декабристов. Эйдельман в полной мере оценил декабристов как живых людей. Для Лунина — это человек наделенный уникальным внутренним миром. Слова Окуня об «узнике с гордой поднятой головой» под пером Эйдельмана обросли плотью и кровью. Феноменальный успех этой и других книг и статей Эйдельмана о декабристах объясняется не только незаурядным писательским талантом автора, но тем, что в условиях брежневской казенщины 1970—1980-х гг. он сумел приблизить декабристов к ментальности советской интеллигенции, ищущей отдушин в заповедных уголках отечественной культуры. Эйдельман стал творцом очередного декабристского мифа. Мифологизируя декабристов как свобододлюбивых, независимых людей, в высшей степени наделенных способностью мыслить и творить, он ставил их вне как революционной, так и либеральной легенды.

Примерно в этом же плане, но с более точных научных позиций о декабристах в 1970-е гг. написал Ю. М. Лотман. Он сделал поведение декабристов предметом семиотического описания.

ния и показал как почерпнутые из книг идеалы свободы и образцы высокого служения отечеству, пронизывая сознание членов тайных обществ, воплощались ими в практические дела. «Если поэзия декабристов,— пишет Лотман, — была исторически в значительной мере заслонена творчеством их гениальных современников — Жуковского, Грибоедова, Пушкина, если политические концепции декабристов устарели уже для поколения Белинского и Герцена, то именно в создании совершенно нового для России типа человека вклинившись в русскую культуру оказался непреходящим и своим приближением к норме, к идеалу напоминающим вклад Пушкина в русскую поэзию»².

1985 (полуюбилейный) год восстания декабристов принес читателю очень интересную книгу ленинградского историка и писателя Я. А. Гордина «События и люди 14 декабря». Увлекательной художественной, но в то же время и научной манере, автор не только воссоздал полную картину событий 14 декабря, но и рассмотрел его с различных сторон. Обычно историки, описывая восстание, смотрели на его ход глазами восставших. Гордин же реконструировал эти события глазами не только самих декабристов, но и Николая I, и великого князя Константина Павловича, и петербургского генерал-губернатора М.А. Милорадовича. Гординым впервые внятно было сказано то, что Милорадович 14 декабря, и предшествующие этой катастрофе дни, разыгрывал собственную партию и отнюдь не был на стороне Николая I.

Наиболее значительным событием в декабристоведении конца 1970—1980-х гг. стало издание продолжающейся до сих пор иркутской серии «Полярная звезда», включающей в себя важнейшие источники как по движению декабристов, так и по их пребыванию в Сибири. Эта серия, насчитывающая на сегодняшний день свыше двух десятков томов стала существенным дополнением к все еще продолжающейся серии следственных дел. Благодаря энтузиазму иркутских декабристоведов, в первую очередь недавно скончавшемуся С. Ковалю, в распоряжении исследователей есть достаточно полные собрания текстов М. Фонвизина, В.Ф. Раевского, С.П. Трубецкого, В.И. Штейнгейля, Н.В. Басаргина, Н.И. Лерера, П.А. Муханова, А.Ф. Бригена, А.В. Поджио и др. В 1990-е гг. в декабристоведении наступило затишье и, как всегда в такие периоды, появилась иллюзия изученности вопроса. Исследовательский интерес достиг наименьшей отметки за всю историю изучения декабристов. Но длилась такая ситуация недолго, и уже на рубеже столетий начался новый этап декабристоведческих штудий, во многом стимулированный широко отмечавшим пушкинским двухсотлетним юбилеем, почти совпавшим со 175-летием восстания на Сенатской площади. В центре современного декабристоведения стоит продолжающееся издание научного альманаха «14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография», выходящее по инициативе петербургских историков П. В. Ильина и С. Э. Эрлиха. В настоящее время вышло 7 выпусков. В предисловии к первому выпуску составители декларировали свое намерение вернуться и продолжить блестящие традиции декабристоведения 1920-х гг.

Появление на свет первых выпусков этого издания показало всю иллюзорность изученности декабристского движения. Самым удивительным было, пожалуй, то, что до сих пор в архивах хранятся оставшиеся неизвестными многим поколениям декабристоведов источники публикации которых заняла достойное место на страницах издания. Сборники «14 декабря 1825 года» несомненно издание поколенческое. Оно не может, да и не должно повторять уже пройденных путей декабристоведения. Но его страницы открыты для ученых всех возрастов, желающих внести свою лепту в изучение декабризма. Поэтому там можно встретить имена самых разнообразных исследователей от патриарха отечественной историографии С. О. Шмидта до делающих в науке первые шаги.

И тем не менее при всей ориентированности на традиции у современного декабристоведа есть свои существенные особенности. Понимая, что даже самое предварительное проведение итогов попросту невозможно, попробуем выявить некоторые специфические тенденции современной науки о декабристах. Прежде всего следует отметить отсутствие идеологического диктата, висевшего над декабристоведением с момента его зарождения до конца 1980-х гг. Дело здесь не только в том, что современные историки декабризма получили свободу писать о декабристах в соответствии с источниками без оглядки на современную конъюнктуру, но и в том, что вся предшествующая история изучения декабризма предстала перед взорами современных исследователей как насквозь мифологизированная. Так это или не так в действительности — вопрос, требующий особого разговора и выходящий далеко за рамки обзорной статьи. Важно то, что большинство современных исследователей видят свою задачу в демифологизации движения. Одним из путей здесь является изучение самого процесса мифологизации декабризма. Этой проблеме была посвящена и интересная кандидатская диссертация С.Е. Эрлиха «Декабристская легенда» Герцена, в которой автор выявляет мифологические истоки герценовских представлений о декабристах. Понимая, что мифологизированным оказалось не только движение, но и сам термин декабрист современные исследователи вновь развернули полемику о том, кого считать декабристом. Современный исследователь П.В. Ильин разработал новые критерии, позволяющие, по его мнению, установить принадлежность к движению того или иного лица. «В настоящем исследовании,— пишет автор, — “единицей учета” (или критерием определения участника декабристского движения) является достоверное свидетельство о причастности к тайному обществу, принадлежащее осведомленному лицу—участнику тайного общества, заговора и восстаний декабристов, либо человеку, фиксирующему такого рода свидетельств»³. Не вступая в полемику по существу данного вопроса, отсылаю читателя упомянутой выше статье «Термин «декабрист» в истории русской культуры», где, как представляется, убедительно показана принципиальная невозможность дать однозначную дефиницию понятию «декабрист». Между тем книга П.В. Ильина представляет бесспорную ценность как наиболее полный на сегодняшний день свод данных о персональном составе декабристских организаций.

Исследователи уже давно предполагали, что устоявшаяся парадигма декабристских организаций: Союз Спасения, Союз Благоденствия, Северное и Южное общества, иногда дополняемые Орденом русских рыцарей, Военным обществом — далеко не отражает реальную картину развития тайных организаций в Александровской России. В таком виде данная схема сложилась в ходе Следствия и закрепилась в «Донесении Следственной комиссии». В результате произошла мешанина того, что было на самом деле с тем, что было привнесено следствием. В частности, Н. Д. Потапова обратила внимание на то, что сами декабристы не знали ни Северного, ни Южного общества. Оба эти названия были придуманы следователями.

Подобного рода нестыковки, а также отсутствие четких представлений о самом феномене тайного общества вызвал необходимость заняться этой проблемой. В работах Т. Н. Жуковской декабристские организации рассматриваются как составная часть русских и европейских тайных обществ конца XVIII — первой четверти XIX вв. Фундаментальное исследование, посвященное тайным обществам в России, принадлежит В. М. Боковой. В ее монографии впервые собраны и проанализированы с современных научных позиций все дошедшие до нас сведения о тайных обществах, существовавших в России в первой трети XIX в. Характерно, что и Жуковская, и Бокова эпоху тайных обществ не связывают с движением декабристов. Наоборот само движение они рассматривают в рамках этой эпохи, которая начинается задолго до войны 1812 г. и продолжается на протяжении нескольких

лет после разгрома декабристского движения. Монография Боковой не ограничивается простым описанием существовавших обществ. Ей удалось за разношерстной картиной более чем 150 общественных организаций разглядеть их единство как культурного феномена. Она убедительно показала, что говорить об идеологии обществ, даже если речь идет о декабристских организациях неправомерно. Различий между обществами подчас было меньше, чем различий между взглядами членов одного и того же общества. Поэтому говорить о специфике декабристских тайных организаций крайне сложно в виду отсутствия ясного представления о том, какие именно организации следует считать декабристскими. Особенности декабристской ментальности стали объектом исследования М.П. Одесского и Д.М. Фельдмана. Этой проблеме посвящена значительная часть их совместной монографии «Поэтика террора». Определяя террор как «способом управления социумом», авторы ставят своей задачей реконструировать «не только “террористическую” ментальность в целом, т. е. “логику террора”, но и “поэтику террора” Что предполагает, по выражению Кербера “семантический подход к истории”, т. е. исследование конструкций и терминов, используемых носителями “террористического” менталитета — на каждом историческом этапе». Авторы монографии, как представляется, верно определяют декабристскую ментальность как террористическую. Какими бы высокими принципами ни руководствовались люди, готовящие военную революцию, оказавшись у власти, они неизбежно должны были бы предотвращать все попытки интерпретировать их действия как нелегитимные. Поэтому страх, нагнетаемый на социум, стал бы для них единственным эффективным административным ресурсом.

Сам же феномен военной революции получил новую интерпретацию в фундаментальных исследованиях О.И. Киянской. О том, что декабристы были сторонниками военной революции, наподобие испанской 1820 г., историки декабристского движения писали давно. И при этом никто не задумывался над тем, что стояло за самой идеей военной революции, главное, на какие средства она должна была производиться. Эти вопросы впервые в полной мере были поставлены и в значительной степени разрешены в исследованиях Киянской, благодаря целому ряду сделанных ею сенсационных архивных находок. Исследовав финансовые документы 2-й армии, хранящиеся в Военно-историческом архиве, Киянская вскрыла причастность ко многим финансовым махинациям командира Вятского полка и лидера Южного общества П.И. Пестеля. Она, пришла к выводу, что пестелевский замысел военной революции лишь в минимальной степени был связан с тайным обществом. Декабрист замышлял крупномасштабную акцию, предполагающую движение всей 2-й армии дислоцирующейся вдоль юго-западных границ империи, на Петербург. Киянская впервые в историографии убедительно показала, как готовился этот проект, каковы были источники его финансирования, и даже реконструировала возможный маршрут движения войсковых соединений. В этот заговор были втянуты десятки, а то и сотни различных чинов 2-й армии. Многие из них, особенно высший генералитет, даже не подозревали, какими сетями опутал их Пестель, через руки которого шли огромные денежные суммы, так и не доходившие до места их официального предназначения. Продолжая распутывать клубок не простых финансовых махинаций декабриста, Киянская по-новому осветила и роль декабриста А.П. Юшневского в тайном обществе. «Историографическая судьба» этого «директора» Южного общества парадоксальна. Нельзя сказать, что он принадлежит к числу «забытых» или «неизвестных» декабристов. Его имя часто мелькает на страницах источников, без упоминания о нем не обходится ни одно более-менее масштабное исследование по истории движения декабристов. И между тем — не только ни одного монографического исследования, но даже ни одной развернутой характеристики, ни одного четкого суждения о его роли и месте в декабристском движении в литературе не обретаются. Этот пример к

нельзя лучше показывает ограниченность возможностей традиционного идеологизированного декабристоведения. Киянской первой пришел в голову, казалось бы, совершенно очевидный ответ. Он генерал-интендант, и этим все сказано. В его руках были сосредоточены финансы, материальная часть всей армии с ее запасами продовольствия, обмундирования и т. д., одним словом всего того, без чего армия и шага не могла бы ступить в случае восстания. Архивные находки лишь подтвердили первоначальную гипотезу Киянской, и роль в структуре тайного общества скромного с идеологической точки зрения интенданта стала совершенно понятной. Новаторские исследования Киянской по Южному обществу ждут своего продолжения. Они заставляют и по-иному отнестись к событиям в Петербурге в декабре 1825 г. Закулисная сторона восстания на Сенатской площади, несмотря на постоянно растущее множество исследований на эту тему, все еще остается скрытой. Но всё же можно констатировать непрерывно растущий интерес к декабристской проблематике. Это и послужило для меня толчком к проведению параллели между гвардейцами и декабристами, так как всё же действующими лицами с обеих сторон явились почти исключительно члены русской гвардии. Но всё же из-за массовости разносторонних мнений историков по поводу декабристского движения и роли в нём гвардии, невозможно разобраться, что все-таки произошло 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, если не знать, что именно было задумано декабристами, на каком плане они остановились, что именно надеялись совершить. На существующей и доступной исторической базе я попытаюсь проследить и разобраться, какую же все-таки роль сыграла именно гвардия и на какие группировки произошло разделение.

Глава 1.

Общий обзор состояния русской гвардии к декабрю 1825 г.

Рассматривая вооруженное столкновение, в которое вылились внешним образом события 14 декабря 1825 г. в Петербурге, нельзя не учесть, что действующими лицами с обеих сторон явились почти исключительно, как тогда их называли бы, "чины императорской российской гвардии"⁴. Русская гвардия того времени имела совершенно определенные организацию и состав и во многом отличалась от прочих частей русской вооруженной силы. События 14 декабря могли вылиться в те формы, в которых они протекли, лишь при определенном составе, организации и настроении тогдашней петербургской гвардии. Поэтому здесь уместно дать краткую сводку данных об общих основах организации и состава гвардии императора Александра I, оставленной им в наследие своему преемнику. Гвардия, как военная организация, являлась одновременно и отрядом телохранителей главы государства - дворцовой стражей и отборною частью войска - последним решающим резервом в поле сражения, образцом для организации и обучения прочих войск, а также рассадником и школой командного состава всего войска. Первыми частями русской гвардии были петровские "потешные" - Преображенский и Семеновский полки и Бомбардирская рота. Анна Иоанновна добавила полки - Измайловский и Конный. В этом составе гвардия оставалась при Павле, если не считать мелких команд казаков, гусар и егерей, основанных при Екатерине II. Павел I, влив своих намуштрованных гатчинцев в состав избалованных и распущенных екатерининских гвардейцев, с настойчивостью и даже жестокостью добился стройной организации и доведенной до тонкости вымуштрованности своей гвардии. Что касается ее состава, то при Павле он увеличился не так значительно. Небольшие команды кавалергардов, гусар, казаков, артиллеристов и егерей были развернуты и получили законченную строевую организацию в виде Кавалергардского, Гусарского и Казачьего полков, Артиллерийского и Егерского батальонов. Главным, хотя внешне и мало отмеченным преобразованием характера гвардии к началу XIX века явился окончательный отказ комплектования общего солдатского состава гвардии дворянской молодежью, будущими армейскими офицерами, и предъявление к гвардейскому солдату не только всех требований, обычных для армейского, но даже значительно повышенных и более строгих. Свежее поколение Павла не изменило систему. Его сыновья всецело унаследовали болезненную страсть отца к плац-параду и с увлечением предавались личной муштровке войск. Главным объектом этой мучительной плац-парадной выучки являлась, конечно, гвардия, лично руководимая как августейшими инструкторами, так и пересаливавшими в своем стремлении им угодить помощниками, среди которых история запечатлела такие фигуры, как Аракчеев и герой семеновской истории Шварц. В первую половину царствования Александра еще сказывалось смягчающее течение, особенно яркое в его шефском Семеновском и в Кавалергардском полках, рассадниках будущих декабристов. Если изменился со времен Павла солдатский состав гвардии, то среда гвардейских офицеров оказалась более устойчивой. Правда, в гвардию влилось немало офицеров гатчинского типа, особенно балтийцев, но господствовал все же еще тип гвардейского офицера-барича, воспитанного, отчасти, в екатерининских традициях дворянского достоинства. Крутая реакция правительства после 1814 года сильно отразилась на военном обиходе и особенно на обучении и быте гвардии. Усилились разрыв, недоверие и затаенная враждебность правительства и гвардейского начальства, с одной стороны, и гвардейской офицерской массы, с другой. Стремление правительства тверже забрать в руки гвардию путем замены прежних просвещенных и по-

лярных командиров гвардейских полков грубыми, исполнительными и нерассуждающими фронтовиками аракчеевской школы не дало желаемых результатов. История 1820 г. в Семеновском полку, выведенном из терпения грубостью и жестокостью командира нового типа, Шварца, раскассирование этого любимого полка Александра, рассылка в армейские полки семеновских офицеров, внесших в них революционные искры, вывод гвардии из Петербурга в Виленскую губернию на длительный 15-месячный политический карантин 1821 – 1822 годы и закрытие масонских лож, наполненных гвардейским офицерством лишь придали новую энергию движению и загнали его в подполье, дальше от глаз правительства. Так было с офицерством. Что касается гвардейских солдат, то и они по составу подбору, а в особенности по условиям службы значительно отличались от армейских. После наполеоновских войн были проведены новые правила комплектования гвардии отборными солдатами армейских полков по очень сложной системе. Наиболее заслуженные боях, лучшие по поведению и видные солдаты армейских полков ежегодно отбирались в гвардию. Иногда допускался отбор прямо из армейских полков, кантонистов и из рекрут. Отбор самый тщательный производился как специально посланными доверенными гвардейскими офицерами, так и самими командирами армейских полков под строжайшей их ответственностью. Прибывавшие на пополнение гвардии солдаты осматривались и проверялись лично государем или великими князьями. Признанные неудовлетворительными нередко отсылались обратно за счет командира, а неудачный выбор мог испортить всю карьеру такого начальника. Естественно, что к концу 1825 г. солдатский состав гвардии представлял редкий подбор наиболее заслуженных ветеранов, прошедших войны с Наполеоном, Турцией и Финляндией. На настроение солдатских масс гвардии громадное влияние оказал ряд общих причин, а именно:

- а) Почти непрерывные походы 1805 - 1815 годов, постоянное соприкосновение, в лику и союзников и противников, с войсками и населением, жившими в иных, нередко более мягких, гуманных и заманчивых условиях.
- б) Разочарование в несбывшихся надеждах войск и народа на улучшение и льготы после колоссальных напряжений указанного десятилетия.
- в) Явное и обидное предпочтение, отдаваемое иностранцам, более льготные условия службы польской армии с 7-летним сроком службы вместо русского 25-летнего и освобождение Финляндии от набора рекрут.

Кроме этих причин, общих для всей армии, действовали и причины, специфические для самой гвардии, а именно:

- г) Близость ко двору и высшим сановным кругам гвардейского офицерства, разговоры настроения которого доходили до гвардейских солдат и держали гвардию в курсе многих событий и течений, не доходивших до армейских масс в провинцию.
- д) Непосредственная тягость первых, наиболее жестких проявлений реакции и новорасцвета аракчеевщины, хотя бы, например, в смене гуманных командиров типа семеновского Потемкина печальной памяти Шварцами.

е) Неизбежное разочарование армейских солдат, переводимых в гвардию. Жизнь в столице, близость двора, сокращение срока службы (22 года вместо 25-ти), более красивое обмундирование и несколько повышенное жалование не искупали неудобств, с ними связанных. Столица и двор требовали усиленной службы и подтянутости; близость высшего начальства и красивое обмундирование - больших забот о поддержании последнего в исправности и щеголеватости, что требовало даже расходов от солдат.

Но главной тягостью являлась усиленная муштра и наряды в караулы и самая тягость строгость караульной службы. Караулы поверялись высшим начальством до государственной включительно, а караулам предшествовали парадные разводы с придирчивыми осмотрами Александра, великих князей и высшего генералитета. Вместо зимнего полуотдыха большинства армейских полков при расположении "на широких квартирах" по деревням большая часть гвардии проводила зиму в казармах, на глазах начальства. Таким образом почетный перевод в гвардию отравлялся тягостью гвардейской службы.

ж) Непосредственная муштровка государем и великими князьями и вызывавшееся этим усиленное обучение прочими начальниками с массой жестоких наказаний не могли вызывать недовольства и не подрывать традиционного обаяния царя и царской семьи, которое могло сохраняться неприкосновенным в отдаленных армейских полках.

Указанные причины создавали почву для событий, разыгравшихся 14 декабря, но руководители восстания использовали не ее, а верность присяге Константину. За период наполеоновских войн и, отчасти, в подражание мощной наполеоновской гвардии, Александр I развернул свою гвардию до внушительного состава сильного боевого "Гвардейского корпуса" из двух дивизий пехоты (по 4 полка и специальному батальону) и 2-х дивизий кавалерии (кирасирской в 4 полка и легкой из 5 полков и специального дивизиона) с соответствующей мощной артиллерией. Эти отборные войска стояли в Петербурге и его окрестностях.

Кроме того при цесаревиче Константине в Варшаве стоял "Резервный корпус" из гвардейских частей королевско-польской армии, учрежденной в 1815 г., и Литовского корпуса, учрежденного в 1817 г. в составе "Пехотной сводно-гвардейской и гренадерской дивизии" (1 полк польской гвардии, Гренадерский, и 2 литовской гвардии: Литовский и Волынский) и 2 гренадерских и 1 карабинерный Литовского корпуса) и гвардейской кавалерийской дивизии (из гвардейских полков 3-х литовских - Уланского цесаревича, Подольского кирасирского и Гродненского гусарского и 1-го польского Конно-егерского) с соответствующей артиллерией и саперами (в том числе Литовская артиллерийская рота № 5 и конно-легкая батарея № 3 и польская коннобатарейная батарея). Кроме полков старой гвардии, офицеры которой с Петра имели старшинство двух чинов, а солдаты - более высокие оклады, Александр I, по примеру Наполеона, учредил молодую гвардию (со старшинством одного чином у офицеров). К числу частей молодой гвардии относились: переведенные в 1813 г. в гвардию за отличие в отечественную войну полки лейб гвардии Гренадерский, Павловский, Кирасирский и вновь сформированный в Версале в 1814г. лейб гвардии Конно-егерский полк. Из варшавской гвардии к числу молодой принадлежала вся польская гвардия (Гренадерский и Конно-егерский полки и конно-батарейная батарея), а из литовской гвардии лишь лейб гвардии Гродненский гусарский полк. При составлении заново Семеновского полка в 1820 г., переведенным из армии, новым офицерам предоставлены на первое время права лишь молодой гвардии. Все прочие гвардейские части принадлежали к числу стар

гвардии а некоторые негвардейские части, состоявшие при гвардии (все учебные, 1-й конно-пионерный эскадрон, лейб-уральская сотня и лейб-кирасирский ее величества полк, а в Варшаве польские саперный батальон и ракетные части), гвардейских прав и преимуществ не имели. Точно так же старшинства в чинах перед остальными флотскими офицерами не имели офицеры гвардейского экипажа. Верховным главой гвардии, как и всех вооруженных сил государства, являлся император, но относительно гвардии и в Петербурге так же как и в Варшаве главноначальствование проявлялось непосредственно и весьма реально. В Варшавской гвардии императора всецело замещал цесаревич. Ответственным, начальником гвардии являлся командир гвардейского корпуса. Таковым, с учреждения корпусов в 1812 г. был цесаревич Константин, но с 1814г. он поселился в Варшаве и оставался лишь номинальным начальником петербургских частей гвардии. Таким же номинальным начальником был и генерал граф Ф. В. Сакен, главнокомандующий 1-й армией, к составу которой относился и гвардейский корпус. Фактически же начальником петербургских частей гвардии являлся официальный заместитель цесаревича, носивший звание "командующий гвардейским корпусом". На этой ответственной и видной должности сменяли друг друга так же замечательные и популярные генералы, как граф М. А. Милорадович с 1814 г., И. В. Васильев с 1818 г. и Ф. П. Уваров с 1821 г. Только после смерти Уварова в конце 1824 г. был назначен бесцветный генерал А. Л. Воинов 1-й. Среди начальников штаба гвардейского корпуса выделялся первый (в 1814-1819 гг.) - гуманный и просвещенный Н. М. Сипягин, организатор ланкастерских школ взаимного обучения при гвардейских полках, "Общество военных людей - любителей наук и словесности" при штабе, литографии и типографии того же штаба и "Военного Журнала". С 1823 г. эту должность занимал А. И. Нейдгарт 2-й. Командующий гвардейским корпусом в Петербурге фактически руководствовался непосредственными указаниями императора и отдавал в приказе по корпусу распоряжения государя, не запрашивая ни цесаревича, ни главнокомандующего 1-й армии. Гвардейскими пехотными дивизиями в Петербурге командовали с марта 1825 г. великие князья: первому Михаилу и второму Николаю. Для руководства ими был приставлен генерал лейтенант К. Бистром, получивший при этом звание командующего всей пехотой гвардейского корпуса. До этого, с 1818 г. великие князья командовали бригадами 1-й гвардейской пехотной дивизии, состоявшей под начальством И. Ф. Паскевича. Михаил Павлович командовал 1-й бригадой из преображенцев и семеновцев, а Николай Павлович 2-ой - из измайловцев. Весной 1825 г., при новых назначениях великих князей, перетасовали и полки так, чтобы только названные полки остались под начальством тех же великих князей. Михаилу подчинили еще его шефских московцев, а также лейб-греиадер и гвардейских моряков, а Николаю павловцев и финляндцев. Из гвардейской кавалерии в Петербурге стояла 1-я бригада кирасирской дивизии (кавалергарды и конная гвардия), конно-пионерный дивизион и часть лейб-казаков; кирасирской дивизией командовал А.Х. Бенкендорф, а 1-й ее бригадой - А.Ф. Орлов. Легкой кавалерийской дивизией командовал А. И. Чернышев. Конно-пионерами командовал любимец великого князя Николая полковник К.К. Засс. Великие князья возглавляли и отдельные роды войск по специальностям. Наравне с ними такую же роль играл Аракчеев. Цесаревич Константин с 1807 г. был генерал-инспектором всей кавалерии, а граф Аракчеев с 1803 г. - генерал-инспектором всей пехоты и артиллерии. С 1807 г. со вступлением великого князя Михаила в должность генерал-фельдцейхмейстера управление артиллерией перешло к нему. Великий князь Николай, с назначения в 1817 г. генерал-инспектором по инженерной части, руководил инженерным корпусом и инженерными войсками. Если генерал-инспекторство Константина над кавалерией и Аракчеева над пехотой и артиллерией к 1825 г. сделалось номинальным, то управление молодых вел. кн.

зей артиллерией и инженерной частью было весьма действительное. Петербургские же чести этих специальностей находились под непосредственным руководством великих князей.

Подшефные великому князю Николаю гвардейские саперы были предметом особых забот, равно как и созданные по его почину и под его руководством 2 конно-пионерные эскадрона, учебный саперный батальон и Главное инженерное училище. Подобное же отношение Михаил Павлович проявлял к гвардейской артиллерии (2 бригады пешей и 1 конной артиллерии), учебной бригаде и Главному артиллерийскому училищу. Стремление приблизить членов царской семьи к войскам выражалось не только по линии фактических назначений на высшие командные должности по гвардии и специальным войскам, но и назначением их шефами, т.е. почетными начальниками, ряда полков, преимущественно гвардейских. К концу 1825 г. члены императорской фамилии состояли шефами следующих полков и других частей:

Император Александр I

- Лейб гвардии Семеновского полка с 1796 г. Лейб гвардии Преображенского, Кирасирского и Гренадерского полков с 1801 г. (преимущественно после Павла).
- Польской гвардии: Гренадерского и Конно-егерского с 1818 г.

Цесаревич Константин

- Петербургских полков лейб гвардии: Конного с 1800 г., Уланского с 1803 г., Драгунского с 1809 г., Егерского и Финляндского с 1813 г.
- Полков Литовской гвардии в Варшаве. Лейб гвардии Литовского с 1817 г. Волынского, Подольского, Кирасирского и Уланского цесаревича полков с 1818 г.

Кроме того, одновременно он получил звание главного начальника целого ряда военно-учебных заведений, а при Николае в 1826 г. - шефа лейб гвардии Гродненского кирасирского полка.

Великий князь Николай Павлович

- Лейб гвардии Измайловского полка с 1800 г. Северского конно-егерского п. с 1816 г.
- Лейб гвардии саперного батальона с 1817 г. 5-го пионерного батальона с 1821 г.
- 1-го Егерского полка польской армии с 1821 г.

Великий князь Михаил Павлович

- Гвардейской артиллерии с 1798 г.
- Переяславского конно-егерского полка с 1816 г.
- 1-го линейного (пехотного) полка польской армии с 1821 г.
- Лейб гвардии Московского полка с 8 февраля 1824 г.

В приказе этого числа было объявлено: "По желанию е. и. в. цесаревича назначается е. и. великий князь Михаил Павлович вместо него шефом лейб гвардии Московского полка (Константин Павлович уступил Московский полк, где он был шефом с 1815 г., любимому брату Михаилу. В 1800 г. по его просьбе Павел обменял шефскими полками Константина

малолетним Николаем, дав первому конную гвардию, а второму измайловцев.) Императрица Мария Федоровна числилась шефом лейб-кирасирского ее величества полка с 17 г. Вел. кн. Александр Николаевич числился шефом лейб гвардии Гусарского полка с 1818 г. - с рождения. Типично, что в 1818 г. для того, чтобы почетную должность шефа лейб-гусар дать новорожденному великому князю Александру, с нее сместили заслуженного бывшего шефа - графа Витгенштейна, а 19 декабря 1825г. также поступлено было с графом Остерманом-Толстым при назначении семилетнего Александра шефом Павловского полка. В кавалергардском полку со смерти Уварова в конце 1824 г. новый шеф не назначался. В 1826 г., когда назначена императрица Александра Федоровна. Из лиц, не принадлежавших к императорской фамилии, к концу 1825 в гвардии шефами состояли только 3 генерала: уже названный ранее Аракчеев, Остерман - Толстой (в Павловском полку) и Васильчик (в конно-егерском полку).

Таким образом к 14 декабря гвардия была связана с Константином не только как с императором, которому незадолго перед тем присягнула, но и как со своим корпусным командиром, хотя и номинальным, а из петербургских полков его шефскими являлись Конно-Егерский и Финляндский, драгунский и уланский и бывший шефский Московский. Николай был ближе к своим шефским частям: Измайловскому полку и Саперному батальону и как генерал-инспектор - к прочим инженерным частям (Учебный саперный батальон, Конно-пионерный дивизион), как начальник 2-й дивизии - еще к егерям, финляндцам и павловцам. Михаил, как фельдцейхмейстер, был ближе к гвардейской артиллерии, как шеф - к москвитям и как начальник дивизии - к преображенцам, семеновцам, гренадерам и муромцам. События 14 декабря отчасти подтвердили предначертания лиц, распределявших шефство: подшефные и подчиненные части Николая не выступали против него, а восставшие оказались из чужой ему 1-й дивизии Михаила Павловича. Одним из объяснений того, что конная гвардия понесла столь малые потери, современники считали уверенность восставших в том, что конная гвардия, имевшая шефом Константина, ждет только удобной минуты, чтоб открыто перейти на сторону восставших под знаменем их шефа. Что касается численности войск, которых можно было вызвать под ружье к 14 декабря, то, считая и исключительно гвардейские и учебные строевые части без гарнизонных частей и военных учебных заведений и исходя из выше приведенного состава частей, можно считать приблизительно, что под ружьем могло оказаться: 21 батальон - 18 - 20 тысяч штыков. Если отбросить, примерно, 4 батальона, занимавших караулы и прикованных этим к месту, свободных для действия можно было насчитать 14-16 тысяч штыков. Кавалерии в 3 полках и конно-пионерном дивизионе 20 эскадронов около 3,5 тысяч сабель. Артиллерии в 9 пешеходных ротах и в 2 конных батареях 124 орудия. Итого в самом городе было: батальонов 21 (до 20 тысяч штыков), эскадронов 20 (до 3,5 тысяч сабель), артиллерийских рот и батарей 11 (12 орудия). Кроме того, в окрестностях готовыми к вызову были 8 третьих батальонов гвардейских пехотных полков, лейб гвардии гарнизонный батальон, полки лейб гвардии Уланский, Драгунский, Гусарский, Кирасирский (по 7 эскадронов каждый), лейб -Уральская сотня и лейб гвардии конно-легкая батарея № 2, всего: 9 батальонов - 8 тысяч штыков, эскадронов - 4,5 тысячи сабель, 1 батарея - 8 орудий. Как известно, 14 декабря из загородных частей были вызваны лишь 3 батальона, уланы, гусары и драгуны, а стоявшие по Нева-кирасиры, гарнизонный батальон и батарея вызваны не были. Подводя итоги, видим, что 14 декабря Петербург был густо наполнен войсками, имевшими стройную организацию, многочисленное, связанное с интересами династии начальство, а сами войска, до солдат включительно, были связаны с династией близкими служебными отношениями, сложными отношениями симпатий, антипатий и личных расчетов.

Причины движения декабристов

Зарождение движения декабристов было прежде всего связано с внутренними процессами происходившими в России в первой четверти XIX века. Декабристы, образованные дальновидные люди своего времени, поняли, что самодержавие и крепостничество – главная причина отсталости России. Старый, самодержавно-крепостнический строй тормозил развитие производительных сил, исторический прогресс и общую модернизацию страны. В это время стало заметно отставание России от передовых западно-европейских стран.

Задача сокрушения крепостничества и самодержавия были главными для России того времени: от их разрешения зависело, двинется ли страна вперед или затормозится в старых, изживших себя формах социального строя. Понимание этого и явилось главной причиной зарождения революционной идеологии и тайных революционных организаций.

В первую очередь следует отметить все усиливавшееся несоответствие производственных отношений характеру производительных сил. Страна производила все больше количественных жизненных благ и вовсе более значительной доле по-новому. Развивались предприятия приближавшиеся к капиталистическому типу, рос вольнонаемный труд, увеличивалось число промышленных рабочих, умножалось количество городов и городское население. Расширялся внутренний рынок, требуя все большего количества продуктов питания и промышленных изделий. Самодержавно-крепостной строй сковывал производительные силы страны, тормозил их дальнейшее развитие. Новые явления жизни вступали в резкое противоречие с устаревшими общественными формами. Крестьянин был собственностью помещика. Крестьянина могли купить, продать или проиграть он не мог уйти в город заработать без разрешения барина. А барин всегда мог отозвать с фабрики в деревню своего оброчного мужика, и тем нанести урон фабричному производству. Заработок крестьянин в значительной доле шел в карман к барину-помещику в виде оброка. Все было подчинено интересам дворянского сословия. Дворянин считался благородным от рождения – ему было законом присвоено право владеть крепостными крестьянами и землей.

При самодержавии народ не принимал никакого участия в управлении страной: царь осуществлял бесконтрольную власть над Россией. Люди были неравны перед законом одни сословия были привилегированными, другие угнетенными. Все более и более сказывались противоречия между развитием производительных сил и феодально-крепостническим строем. Необходимость замены старого общественного строя ново ощущалось тем отчетливее, чем яснее выявлялось огромная мощь страны, ее необъятные силы. В высказываниях декабристов по экономическим вопросам это несоответствие производственных отношений характеру производительных сил формулируется как несоответствие интересов народа с интересами правительства, где под народными интересами мыслится все то, что способствует свободному развитию капитализма, а под интересами правительства – господствующее и задерживающая прогресс феодальная крепостническая система. Многие декабристы неоднократно указывали, что именно крепостное право пренебрежение к личности человека заставили их пересмотреть свое отношение к Российской действительности, толкнули их на путь активной борьбы. «Рабство крестьян всегда сильно на меня действовало»⁶, – заявлял в своих показаниях П.И.Пестель. Крепостное право воспринималось прежде всего как глубочайшее оскорбление национальной гордости. Но оно расценивалось декабристами и как исходный момент в том несоответствии между производительными силами и производственными отношениями, которая тормозила хозяйственное развитие России и обрекало ее на экономическую отсталость. Большое влияние на формирование освободительных идей декабристов оказал патриотический подъем

Отечественной войне 1812 года. Они называли себя «детьми 1812 года»⁷. Победа русского народа в войне способствовала росту национального самосознания народа. Вместе с тем она оказала огромное влияние на все стороны социальной, политической и культурной жизни страны, дала толчок для развития общественной мысли в России. Подъем патриотизма, сближение будущих декабристов, участников войны, с солдатами, народом, пробуждение не только национально-патриотического, но и гражданского самосознания передовой России – вот на что указывали декабристы, объясняя истоки формирования своих освободительных идей в связи с Отечественной войной 1812 года. В то же время декабристы видели, что народ, вынесший на своих плечах всю тяжесть войны, продолжал оставаться в крепостной зависимости, ратники ополчений снова возвращались в крепостную неволю. «Мы проливали кровь, - говорили солдаты, вернувшись с войны, - а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили страну от тирана, а нас опять тиранят господа»⁸. Вместо дальнейших политических преобразований, внушенных либеральными идеями Александра в первые годы его царствования, установилась аракчеевская реакция. Одержав победу в войне народной силой, царское правительство не замедлило показать свое истинное лицо – угнетение народа стало еще тяжелее. Помещики свирепствовали над крестьянами, а новые царские законы поддерживали их власть. Крепостной гнет усилился и в армии. По всей стране по приказу Александра I были созданы военные поселения – худшая форма военно-крепостного гнета. В них все мужское население, даже дети, должны были носить неудобную военную форму и подчиняться жестокому палочному военному режиму.

На ранних этапах освободительного движения огромное значение имеют проблемы национального возрождения и самосознания. Борьба против феодально-абсолютистских режимов и задачи национального возрождения взаимосвязаны. Прогресс нации мог быть обеспечен только коренными политическими преобразованиями. Поэтому национально-патриотические задачи «блага» России логически приводили декабристов к утверждению идеи революционных преобразований.

Революционные события конца века, политические и военные потрясения мирового значения оказали сильное воздействие на умы декабристов. Знакомство с революционными идеями, новыми политическими учреждениями облегчалось благодаря заграничным походам русской армии в 1813-1814 годах, в составе которой находились многие будущие декабристы.

Возрос интерес декабристов к чтению политических и философских сочинений западноевропейских и русских мыслителей. В трудах таких великих французских просветителей, как Вольтер, Руссо, Монтескье, декабристы находили подтверждение мыслям о том, что отсутствие крепостного права в западноевропейских странах обеспечивает их прогрессивное развитие.

Революционные процессы активно продолжались в Европе. Идеология европейских революционеров и декабристов, их стратегия и тактика во многом совпадали. Выступление в России в 1825 году стоит в одном ряду с общеевропейскими революционными процессами. Характер их движения можно определить как объективно буржуазный.

Вместе с тем в общественном движении в России существовала своя специфика. Особенностью российского исторического процесса было то, что на раннем этапе руководство борьбой за буржуазные преобразования принадлежало не буржуазии, а дворянству. Объясняется это тем, что русская буржуазия в эпоху крепостного права еще не сформировалась как класс и не смогла выдвинуть самостоятельные политические требования. Поэтому революционная идеология, понимание необходимости модернизации страны складывалось в начале XIX века исключительно у передовой части дворянства, которая, по существу, в

ступала против интересов своего класса. Круг революционеров был крайне ограничен – в основном он состоял из представителей высшего дворянства и офицерского корпуса. Отрванные от всех классов и сословий России, они вынуждены были придерживаться узкой заговорщической тактики, что обусловило слабость дворянской революционности и, в конечном счете, их неудачу и поражение.

Таким образом, историческая действительность показывала декабристам способы борьбы, заставляла задумываться над революцией. Общую возбужденную атмосферу времени, воспитавшего, прекрасно и точно охарактеризовал один из самых выдающихся декабристов – Павел Иванович Пестель. Он писал об этом так: «Происшествия 1812, 1813, 1814, 1815 годов, равно как предшествующих и последовавших времен, показали столько престола низверженных, столько других постановленных, столько царств уничтоженных, столько новых учрежденных, столько царей изгнанных, столько возвратившихся или призванных и столько опять изгнанных, столько революций совершенных, столько переворотов произведенных, что все сии происшествия ознакомили умы с революциями, с возможностями и удобствами оные производить. К тому же каждый век имеет свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни одного государства, даже Англии и Турции, сих двух противоположностей. То же самое зрелище представляет и вся Америка. Дух преобразований заставляет, так сказать, везде умклокотать... Вот причины, полагаю я, которые породили революционные мысли и привели их и укоренили оные в умах»⁹.

Движущие силы восстания 14 декабря 1825 года и их создания

Главной движущей силой восстания являлись созданные ранее тайные общества. Первое тайному обществу декабристов предшествовало несколько более ранних организаций, возникших после войны 1812 года и существовавшие вначале в форме офицерских товариществ, кружков молодых людей. Такими кружками являются «Священная артель», образованная А.Н.Муравьевым в 1814 году, и «Орден русских рыцарей», основанный М.Ф.Орловым. Все эти организации послужили школой будущего движения, его предпосылкой. И хотя они не предпринимали никаких активных действий, но уже в них начали формироваться идеи и взгляды будущих руководителей декабризма, которые уже тогда задавались целью изменить существующий строй и уничтожить крепостничество.

Первое тайное декабристское общество – «Союз спасения» - возникло в феврале 1816 года в Петербурге по инициативе молодых гвардейских офицеров А.Н. и Н.М.Муравьевых, С.И. и М.И.Муравьевых-Апостолов, С.П.Трубецкого и И.Д.Якушкина. Свое организационное устройство общество получило через год, когда в него вошел приехавший в конце 1816 года в Петербург П.И.Пестель. В феврале 1817 года был принят «Статут» (устав) общества. С этого момента оно получило новое название – «Общество истинных и верных сынов отечества». В его члены принимались по строжайшему отбору только офицеры гвардейских полков и Генерального штаба. Это была замкнутая, малочисленная группа единомышленников, носившая заговорщический характер, насчитывавшая даже спустя год после своего основания не более 10-12 человек. Лишь в конце своего существования она достигла 30 человек. Первое время целью тайного общества было только освобождение крестьян от крепостной зависимости. Но очень скоро к этой цели присоединилась и вторая – борьба с самодержавием, с абсолютизмом. На первом этапе она вылилась в требования конституционной монархии. Но для этого не были разработаны средства борьбы, отсу

ствовала программа политических преобразований. Признав неизбежность революции, декабристы еще не представляли себе ее формы и характер. Предполагалось принудить нового царя при смене императоров дать России конституцию. Но декабристы осознавали бессилие своей малочисленной и замкнутой конспиративной группы. Поэтому на повестку дня встал вопрос о создании нового общества, более организованного и более многочисленного. В январе 1818 года в Москве возникла новая декабристская организация – «Союз благоденствия». В течение своего трехлетнего существования организационные принципы и программные положения декабристов получили дальнейшее развитие. У организации была достаточно четкая структура. Она имела Коренную управу как общий руководящий орган, а также Совет (Думу), обладавшую исполнительной властью. «Союз благоденствия» делился на управы – местные организации, которые существовали в Петербурге, Москве, Тульчине и других городах. Это была более многочисленная (около 200 членов) организация со своим уставом который получил название по цвету переплета «Зеленая книга». Приверженность заговору и крайняя конспиративность руководителей союза выразилось в том, что существовали две части программы. Первая, связанная с легальными формами деятельности, была известна всем членам общества. Здесь выдвигалась задача по формированию прогрессивного общественного мнения. Его создания в стране являлась для декабристов важным средством подготовки революционного переворота. Члены союза принимали активное участие в благотворительных и просветительских обществах: создавали свои легальные и полулегальные «управы» и литературные общества, вели обширную устную и письменную пропаганду. Также действовали и личными примерами - отпускали на волю своих и выкупленных у других помещиков крепостных.

В январе 1820 года в Петербурге собралось совещание Коренной управы, на котором Пестель выступил с докладом о формах правления. Излагая свои доводы, он доказывал преимущества республиканского правления, нежели монархического. Основная часть участников совещания высказывались за республику. Ограничение деятельности либеральной пропагандой передовых идей уже не удовлетворяла многих декабристов. Выдвигались требования более решительных действий. Но умеренная часть общества не считала возможным идти далее создания общественного мнения, которая должна была оказать влияние на правительственную политику. Разногласия между этими группировками особенно обострились в 1820 году. В это время декабристы узнали, что правительство получило достоверные сведения о существовании их тайного общества. Необходимо было искать новые пути и новые средства борьбы. В январе 1821 года собрался Московский съезд Коренной управы, который постановил считать «Союз благоденствия» распущенным. Но это не означало завершения тайной деятельности, так как начался новый период, связанный с активной подготовкой к революционному выступлению.

В 1821-1822 годах на основе «Союза благоденствия» почти одновременно возникли новые декабристские организации – «Южное» общество на Украине во главе П.И.Пестелем и «Северное» в Петербурге, которое возглавил Н.М.Муравьев, а затем ведущую роль в нем занял поэт К.Ф.Рылеев. Оба общества тесно взаимодействовали друг с другом и рассматривали себя как часть одной организации. Разработка конституционных проектов и плана военного восстания составила основное содержание деятельности декабристских обществ после 1821 года. В 1821-1825 годах были созданы две политические программы революционных преобразований – «Русская правда» П.И.Пестеля и «Конституция» Н.М.Муравьева.

«Русская правда», написанная Пестелем, - первая республиканская программа в истории русского революционного движения и наиболее радикальный конституционный проект декабристов. Она провозглашала уничтожение крепостного права, сословных привилегий

равенство всех граждан перед законом, установление в России республики. «Русская правда» предусматривала получение крестьянами не только личной свободы, но и земли, также деление всего земельного фонда страны на землю общественную и землю частную, частичную конфискацию помещичьих земель. Программа гарантировала демократическую свободу, вводила новый суд, равный для всех граждан, с гласным судопроизводством, правом обвиняемого на защиту. Будущая республика должна быть единым и неразделанным государством с сильной централизованной властью. Пестель был противником федерации, полагая, что она будет способствовать развитию сепаратистских тенденций и тем самым ослаблению государства. Высшая законодательная власть в стране, по «Русской правде», принадлежала Народному вечу, а исполнительная – избираемой Народным вечем Государственной думе. Имущественный ценз при выборах отвергался.

«Конституция» Н.М.Муравьева ликвидировала самодержавный государственный строй и сословную структуру общества, провозглашала всеобщее равенство граждан перед законом, защиту неприкосновенности личности и имущества, демократические свободы, решительную перестройку старого судебного и административного аппарата. Освобожденным крепостным крестьянам предоставлялось по 2 десятины пахотной земли на двор, помещичье землевладение оставалось неприкосновенным. Классовая ограниченность проявлялась и в вопросе о гражданстве. Чтобы стать гражданином, то есть иметь право избирать, необходимо было обладать определенным возрастным, имущественным цензом и цензом оседлости. Россия, по проекту Н.Муравьева, должна была стать федерацией. Проводилось строгое разделение на законодательную, исполнительную и судебную власть. Высший законодательный орган – двухпалатное Народное вече. Высшая исполнительная власть в федерации принадлежала императору.

В 1824 году встал вопрос о непосредственной подготовке военного восстания. В это время велись переговоры об объединении обоих обществ и координации их действий в предстоящем восстании. Пестель добивался объединения обществ на идейной платформе «Русская правда», но руководство «Северного» общества выступало против предлагаемого Пестелем введения диктатуры временного правительства, его аграрного вопроса. Результатом переговоров явилось решение о необходимости совместного выступления обоих обществ, намечавшегося на лето 1826 года, и выработка общего конституционного проекта. Внезапная смерть Александра I ускорила события. Декабристы решили воспользоваться моментом и 14 декабря – в день принятия присяги Сенатом Николаю – провозгласить новый программный документ – «Манифест к русскому народу». В нем были сформулированы основные требования декабристов: уничтожение самодержавия, отмена крепостного права и введение демократических свобод. Также внимание было уделено улучшению положения солдат, уничтожение телесных наказаний и военных поселений. Было заявлено о созыве через некоторое время Великого собора из представителей всех сословий России для определения будущего политического устройства страны. Эти противоречия и послужили толчком к подготовке восстания против сложившейся политики государства.

Глава 2.

Организация и ход вооруженного восстания на Сенатской площади.

Прошло 182 года с того дня, когда «лучшие люди из дворян» – с оружием в руках выступили против самодержавия и крепостничества и тем положили начало первому этапу русского революционного движения – дворянской революционности. Восстановить развитие событий этого дня непросто. Следственный комитет несколько не интересовался этой стороной дела. Но все же результаты усилий исследователей позволяют с большей или меньшей точностью выявить хронологическую последовательность событий в этот исторический день. Но прежде чем раскрыть события декабрьских дней, а именно роли гвардии в них, следует понять, что же способствовало такому развитию дел в стране, а главное что послужило толчком к восстанию. К исходу первой четверти XIX века длительный период идеологического и организационного оформления движения декабристов, цели которого отражали стоявшие перед Россией того времени основные исторические задачи – ликвидация крепостного права и самодержавия, - завершился созданием двух тайных обществ Южного и Северного. Для выработки общей программы действий в реализации своих целей и подготовки открытого выступления было принято решение о созыве съезда обоих обществ в 1826 году. Но ход истории внес свои коррективы в планы руководителей тайных обществ и принудил их выступить раньше намечавшихся сроков.

➤ Подготовка к восстанию.

19 ноября 1825 года, во время путешествий по стране, в далеком от Петербурга Таганроге неожиданно умер император Александр I. Известие об этом достигло столицы 27 ноября. Тот же день войска принесли присягу на верность Константину. Церемония прошла спокойно. Это было в порядке вещей: в глазах общества Константин – законный наследник в церквях его поминают с титулом «цесаревич», как старшего, и первым после императора императрицы. Но после 27 ноября в столице распространился слух о завещании Александра I, по которому наследником якобы объявлялся Николай. Слух этот был не бесспорным: после заключения морганатического брака с польской дворянкой Иоанной Грузинской Константин 14 января 1822 года официально отрекся от своих прав на престол Российской империи. 2 февраля того же года специальным рескриптом Александр I принял отречение Константина, а 16 августа 1823 года последовал царский манифест, которым права на престол передавались Николаю Павловичу. Все это держалось в глубокой тайне. Николаю же (как и все царской семье) было хорошо известно содержание манифеста. Однако воспользоваться предоставленным ему правом он сразу не смог. Неожиданно воспротивился граф М.А. Милорадович, сказав Николаю, что гвардия его не любит и признает наследником Константина. Не прислушаться к словам петербургского генерал-губернатора, которому, как главнокомандующему, подчинялся весь столичный гарнизон (в том числе и гвардия), было нельзя. Тем более что Милорадович в частных разговорах как будто пригрозил: «У меня 60000 штыков в кармане – а с таким оркестром можно любую музыку заказать»¹⁰. В результате формально с 27 ноября по 14 декабря 1825 года главным государством являлся Константин, которому была принесена присяга по всей стране. Но в соответствии с прежним, своим решением царствовать не желал, хотя и отказа от престо-

ла по надлежащей форме не давал. Сложилась редчайшая ситуация – в течение 17 дней в России фактически не было.

Вот тогда-то, как писал декабрист М.С. Лунин, членам тайного общества и «пришла мысль, что наступил час решительный, дающий право изменить образ действий, постоянно сохраненный в продолжение десяти лет, и прибегнуть к силе оружия. После многих прений на шумных совещаниях это мнение было утверждено большинством голосов. Дух тайного союза мгновенно заменился духом восстания». Но эта благоприятная для выступления ситуация явилась для членов тайного общества неожиданностью, они не были готовы к такому повороту событий. Надо было спешно приступить к организации подготовки восстания – выработать план, распределить обязанности, выявить воинские части, на которые можно было бы твердо рассчитывать. Чуть больше двух недель отпустила история руководителей тайного общества на организацию восстания. Почти ежедневно идут совещания на квартире Рылеева. Непременные их участники – сам К.Ф. Рылеев, С.П. Трубецкой, Е.П. Оболенский, И.И. Пущин, А.А. и Н.А. Бестужевы. Первым практическим шагом этих горячечных споров было заняться пропагандой среди солдат: в продолжении двух недель Рылеев и братья Бестужевы – Николай и Александр – ходили по городу и говорили всем встречным солдатам, что их обманули, скрыв завещание Александра I, «в котором дана свобода крестьянам и убавлена до 15 лет солдатская служба»¹¹. Эта весть молниеносно облетела столицу. «Нельзя представить, - пишет Бестужев, - жадности, с которой слышали нас солдаты; нельзя изъяснить быстроты, с какой разнеслись наши слова по водам»¹². Однако агитация, так обнадеживающе сказавшаяся на настроении войск, не была продолжена. Между тем туманные обстоятельства междоусобия укрепляли в столице слухи о завещании. Учитывая сложившееся положение, руководители тайного общества решили сыграть на этом: **«Опорная точка нашего заговора есть верность присяге Константину и нежелание присягать Николаю»**¹³. И пока в войсках живет такое настроение надо воспользоваться им. И поэтому, стали действовать, по словам Н. Бестужева, еще «усерднее, приготовляли гвардию, питали и возбуждали дух неприязни к Николаю, существовавший между солдатами»¹⁴. Но в самый ответственный момент подготовки выступления вдруг обнаружилось, что лица, занимавшие значительные должности в гвардии и другие связанные с тайным обществом, отказались от участия в заговоре. Это бригадный командир С.П. Шипов, командир Семеновского полка, когда-то друг П.И. Пестеля, по свидетельству М.А. Бестужева, совершенно преданный ему, прежде деятельный член «Союза спасения» и «Союза благоденствия», а также полковник А.Ф. Мюллер – батальонный командир лейб-гвардии Финского полка, прямо заявивший, что не намерен служить орудием и игрушкой других в таком деле, где голова нетвердо держится на плечах. Других строевых командиров высокого ранга, способных повести за собой подчиненных им солдат, в распоряжении тайного общества не было. Члена его в большинстве своем были люди молодые, никто из них еще не успел подняться выше должности командира роты. Поэтому они могли повести за собой только свою роту или даже взвод. Но это не убавило энтузиазма. Произведенное разведывание (главным образом Оболенским и Рылеевым) убедило членов тайного общества, что солдаты не будут согласны дать новую присягу и только решение Константина, о передаче брату престол, может их уверить в истинном отречении. Такие обнадеживающие сведения поступили от Измайловского, Финляндского, Егерского, Лейб-гренадерского, московского полков, а также из Гвардейского морского экипажа. А. Розен, констатирует: «Наверное никто не знал, сколькими батальонами или ротами, из каких полков можно располагать»¹⁵. Однако это не останавливало членов тайного общества, все были готовы действовать, все надеялись на успех. И лишь Рылеев по трезвой оценке сил и возможностей признался, что шансов на успех ничтожно мало. Но необходи-

напомнить одно обстоятельство, сильно затруднившее организацию и осуществление задуманного выступления, - гвардия извещалась о новой присяге непосредственно перед приведением к ней. На этот мизерный промежуток времени и могли, пишет М.В. Нечкин, «рассчитывать декабристы для начала действий. Время, допускаявшее начало выступления было, таким образом, исключительно коротко. Поэтому оказалось необходимым заранее точно знать о моменте второй присяги, чтобы быть в полках до ее официального объявления и начать агитацию за восстание и вывод войск на площади сразу после объявления присяги начальством и до самой присяги. Дело шло в данном случае буквально чуть ли не о минутах, которые только и могли решить успех начала восстания». Именно по этому было важно установить день и время присяги. Организационные совещания продолжались 12 декабря на квартире Е.П. Оболенского собрались К.Ф. Рылеев, А.М. Булатов, А.Л. Кожевников, А.Н. Сутгоф, Д.А. Щепкин-Ростовский, А.И. Одоевский, А.П. Арбузов, И. Анненков, Д.А. Арцыбашев, А.И. Богданов, А.Е. Розен. По свидетельству последнего именно тогда было постановлено в день присяги собраться на Сенатской площади, куда же, сколько возможно будет, войска под предлогом поддержания прав Константина. Если главная сила будет на нашей стороне, то объявить престол упраздненным и ввести немедленно временное правление. В случае достаточного числа войск было решено занять дворец, главные правительственные места, банки и почтамт для избежания всяких беспорядков. Кому следовало занять все эти учреждения, какими силами, в каком порядке – об этом речь не шла. Поэтому Розен и заключал: «Принятые меры к восстанию были не точны и неопределительны»¹⁶. Но ничто уже не могло поколебать решимости руководителей восстания действовать. Рылеев 12 декабря: «Судьба наша решена! К сомнениям нашим теперь, конечно, прибавятся все препятствия. Но мы начнем. Я уверен, что погибнем, но пример останется. Принесем жертву для будущей свободы Отечества»¹⁷. Присяга была назначена на утро 14 декабря. Первым – около полудня 13 декабря – об этом узнал Н. Бетухев. В тот же день к вечеру вождям тайного общества стало известно о часе собрания Сената для приведения его к присяге – 7 часов утра. Столь раннее для сенаторов время могло быть выбрано потому, что власти были уведомлены и о готовящемся заговоре и о том, что сигналом к выступлению будет вторая присяга (доносчиком стал приятель Оболенского Я.И. Ростовцев). К вечеру 13 декабря, на последнем совещании членов тайного общества, сложился окончательный план действий. В изложении исследователей план был таков: «... утром 14 декабря восставшие полки собираются на Сенатской площади и угрозами или силой оружия принуждают Сенат издать Манифест к русскому народу с объявлением низложения прежнего правительства, гражданских свобод, значительного облегчения солдатской службы, созыва Учредительного собрания и назначения Временного правительства из определенных лиц»¹⁸. Одновременно моряки Гвардейского экипажа и ильинские майловцы должны были занять Зимний дворец и арестовать царскую семью, а Финляндский полк и лейб-гренадеры – овладеть Петропавловской крепостью. При всех несомненных достоинствах плана следует все же отметить, что ни один из составных его звеньев не был оформлен в виде четкого приказа, не были расписаны четкие действия всех членов тайного общества, что именно каждому следовало делать в день восстания. Знакомясь с планом восстания, исследователи задаются вопросом: почему войскам должны были собираться на Сенатской, а не на дворцовой площади, почему обращение к народу с манифестом намечалось осуществить через Сенат, а не непосредственно самим восставшим? Определяя данный пункт плана, члены тайного общества руководствовались желанием придать законный характер своим действиям и исходили из двояких решающих обстоятельств. Во-первых, именно Сенат являлся тем государственным учреждением, который своими указами извещал население страны о кончине прежнего царя и

вступлении на престол нового, назначал присягу и печатал в собственной типографии присяжные листы, рассылаемые на места особыми сенатскими курьерами. Во-вторых, в глазах крестьянства и всего трудового населения Сенат обладал непререкаемым авторитетом, являясь высшей инстанцией в решении всех спорных судебных дел. Отсюда намерение организаторов восстания, с одной стороны, не дать Сенату присягнуть новому императору, и с другой – заставить его опубликовать заготовленный ими манифест, которым объявлялось уничтожение бывшего правления и учреждение Временного правительства, ликвидация крепостного права и равенство всех сословий перед законом. Были назначены и люди, которые были должны предложить Сенату подписать манифест, - Пущин и Рылеев. Следовательно, наиболее целесообразное место сбора мятежных полков – Сенатская площадь. Такой полк был один из главных элементов плана действий 14 декабря. В реализации плана восстания решающая роль на всех этапах отводилась военной силе. Причем надеялись, что удастся избежать пролития крови, рассчитывали, что войска не будут стрелять в войска. Вот показания Рылеева на следствии: «На счет же того мнения, что до кровопролития не дойдет и не допустят, то повторяю, что не я один думал так, но почти все, случившееся на совещаниях, ибо полагали, что солдаты не будут стрелять в солдат, а, напротив еще соединятся с возмущившимися и что тогда посредством силы можно будут сохранить устройство и порядок».¹⁹ Но, разумеется, это не означало полного отказа от применения оружия. В какой численности мятежные войска, по расчетам декабристов, требовались для успеха всего предприятия и сколько полков они надеялись вывести на площадь? Трубецкой на следствии показал, что надобно несколько полков, по крайней мере тысяч 6 солдат и с ним об этом в основном были согласны и остальные руководители восстания.

Конкретно руководители восстания надеялись вывести на площадь шесть названных в указе гвардейских частей. Таким образом, рассчитывали на значительно большее количество войска, чем в действительности оказалось в их распоряжении 14 декабря.

Хотя, как говорилось выше, план восстания не был продуман и расписан детально, но все же некоторые обязанности были распределены. Так, предположительно 10 декабря диктатором восстания, отвечавшим за исполнение плана в целом, был избран Трубецкой. Оболенский назначался начальником штаба восстания, непосредственными помощниками диктатора были определены полковник Булатов и А.И. Якубович. Намечаемый порядок действий мятежных сил выявляется из показаний А. Бестужева: «Якубовичу с Арбузовым вывести экипаж, идти поднимать Измайловский полк и потом спуститься по Вознесенскому на площадь. Пущину вести с ними эскадрон. Брату Николаю и Рылееву находится с экипажем. Мне поднять Московский полк и идти по Гороховой. Сутгофу вывести свою роту, а если можно, и другие по льду на мост и на площадь (Панов повел ошибкою по набережной). Финляндскому полку – через Неву. Полковник Булатов должен ждать лейтенантов гренадеров, а князь Трубецкой – все войска, чтобы ими командовать и там сделать дальнейшие распоряжения»²⁰.

➤ 14 декабря 1825 года.

Незадолго до полуночи А. Бестужев и Якубович отправились в казармы Гвардейского экипажа, чтобы узнать, где они расположены. До часа ночи Рылеев посетил казармы Финляндского полка в надежде на то, что ему удастся переубедить Моллера и организовать выступление возможно большей части финляндцев. Не позже шести часов утра начальник штаба восстания Оболенский встретился с Рылеевым и условившись о дальнейших действиях

ствиях, выполняя свои прямые обязанности начальника штаба, в седьмом часу начинаю проезд казарм намеченных к выступлению гвардейских полков для ознакомления с обстановкой. В 6 часов утра Якубович поехал к А. Бестужеву и около 7 часов в присутствии Каховского отказался от выполнения ранее взятого на себя задания – повести Гвардейский экипаж на захват Зимнего дворца, сочтя несбыточным задуманное предприятие и предвидя, что без крови не обойдется. Этот отказ стал первым проявлением хрупкой (по определению М.В. Нечкиной) дворянской революционности, столь четко обнаружившейся в этом восстании. Вторым удар по плану был нанесен Каховским, отказавшимся в то утро исполнить задуманное цареубийство. А. Бестужев тут же ставит об этом в известность Рылева. Часов в семь к Рылееву приехал Трубецкой и с облегчением узнал об отказе Якубовича возглавить гвардейских матросов на захват дворца.

Между 7.00 и 7.30 Сенат присягнул Николаю I. Между 8.00 и 8.30 к Рылееву приехал Бестужев. Здесь он узнал об измене Якубовича и с наставлениями Рылеева был направлен в Гвардейский морской экипаж. Около 8 часов к Рылееву заехал И.И. Пущин и сообщил, что конно-пионерный эскадрон во главе с его братом Михаилом, на которого твердо рассчитывали заговорщики, не выйдет на площадь. Так в плане появилась еще одна чувствительная трещина. В 9 часов к Рылееву пришел Булатов и заявил Рылееву и И. Пущину, что если на стороне восставших будет мало войск, он не примет участия в деле. Это был ошеломительный удар. В это же время диктатор Трубецкой срочно вызвал к себе Рылеева и И. Пущина в Сенат. Этот спешный вызов, замечает М.В. Нечкина, «происходил в момент, когда распал еще одного из важнейших звеньев плана: Сенат был уже пуст. Сенаторы успели принести присягу и разъехаться по домам. Делегации от восставших в Сенате нечего было делать: ни «убеждать, ни принуждать в Сенате было некого»²¹. Три руководителя восстания при этой последней встрече уточнили план дальнейших действий для развития восстания. И это происходило в момент, когда один из них уже принял решение оставить общее дело. Однако ему не доставало мужества заявить об этом своим, теперь уже бывшим соратникам. Рылеев и И. Пущин около половины десятого расстались с диктатором, будучи уверенными в том, что он явится на площадь с приходом туда мятежных войск. Между 9 и 10 часами был приведен к присяге Измайловский полк – главная надежда декабристов. Попытка члена тайного общества капитана И.И. Богдановича возмутить солдат полка сорвалась. Около половины десятого А. Бестужев прибыл в казармы Московского полка. Вместе с двумя командирами рот – братом Михаилом и Щепиным-Ростовским, - в сопровождении еще двух офицеров полка они стали агитировать за отказ от новой присяги. В 10 часов для принятия присяги во дворе своих казарм был построен Гренадерский полк. Члены северного общества декабристов, поручик Сутгоф и А.Н. Панов, не располагавшие информацией о прохождении процедуры присяги в других полках, не решил на какие-либо действия. Полк был приведен к присяге.

В 10.30 солдаты Московского полка вышли с ружьями и боевыми патронами во двор казарм, чтобы идти к Сенату. Тем временем в казармы Московского полка, оставшаяся часть которого (900 человек) продолжала пассивно уклоняться от принятия присяги, прибыл шеф полка великий князь Михаил Павлович. Само его появление произвело перемену в настроении солдат – только что их уверяли, что он арестован в Варшаве. Присяга была принесена, и солдаты тоже направились на Сенатскую площадь, но на стороне Николая I. На исходе десятого часа восставшая часть полка вступила на пустующую Сенатскую площадь. Бестужев, М. Бестужев, Щепин-Ростовский построили солдат в боевое каре между Сенатом и памятником Петру I. Со стороны Адмиралтейского бульвара была выстроена заградительная стрелковая цепь из взвода москвичей. Примерно в то же время, то есть около 11 часов, для приведения к присяге был построен Гвардейский морской экипаж, агитация

котором успешно вели лейтенант А.П. Арбузов и другие члены тайного общества, тогда делая упор на наличие завещания покойного государя, «по коему нижним чинам назначено только 12 лет службы». В результате примеру младших офицеров экипажа, отказавшихся присягать Николаю, охотно последовали все матросы. Их решимость не присягать Николаю не поколебали уговоры бригадного командира Шипова. Примечательно, что с Гвардейским экипажем, как это устанавливается по следственным материалам, более или менее регулярную связь поддерживали восставшие москвичи через юного Петра Бестужева младшего из братьев Бестужевых. Именно 18-летний мичман около половины первого принес в экипаж весть о том, что Московский полк на площади и ждет подкрепления. Примерно в то же время на площади была предпринята очередная попытка уговорить москвичей вернуться в казармы. На этот раз генерал-губернатором Милорадовичем, несущим прямую ответственность за спокойствие в столице. Уговоры, с упоминанием памятных дел гвардейцев мест боевых сражений, продолжались довольно долго. Хотя реакцией на зажигательную речь не было, руководители восстания почувствовали опасность речей Милорадовича и потребовали, чтобы он удался. Граф не внял требованию. Желая вывести его из рядов, Оболенский штыком солдатского ружья колот коня под всадником, ранив при этом нечаянно Милорадовича. Тут же прогремели выстрелы Каховского и двух солдат. Пуля Каховского смертельно ранила Милорадовича. Все поняли - пути назад нет. А что же в это время происходило в других полках Гвардейского корпуса? Еще на исходе одиннадцатого часа с Сенатской площади в казармы лейб-гренадер отправились Одоевский и П.П. Конюницын, посланные М. Бестужевым торопить с прибытием на подмогу. Для уяснения последующих событий в Гренадерском полку следует сказать, что члены тайного общества, особенно Каховский и Булатов, прежде бывший командиром батальона в полку, вели в нем большую агитационную работу. Офицеры полка Сутгоф, Панов, Кожевников, С.М. Палицын и другие были готовы поддержать выступление. После полудня посланцы А. Бестужева появились в казармах лейб-гренадер с известием о том, что московский полк на площади у Сената. Сутгоф вместе с ротой, принявшей присягу, поднял своих солдат словами о незаконной присяге, об обмане солдат высшим начальством сказал, что все полки уже находятся на Исаакиевской площади, распорядился надеть шинели и амуницию, зарядить ружья и взять боевые патроны. Около 12.30 снаряженная для похода рота беспрепятственно вышла из казарм во главе со своим командиром и прямо через лед Невы направилась на Сенатскую площадь. Попытка полкового командира Н.К. Стюрлера остановить восставших гренадер, уговорить их вернуться была тщетной. В то же время к Сенатской площади стали стягиваться вызванные Николаем войска, в том числе и конногвардейцы. В начале второго часа по полудни рота лейб-гренадер под командой Сутгофа, пройдя часть своего пути по замерзшей Неве. Поднялась на берег перед Исаакиевским мостом и прорвала строй стоявших на набережной конногвардейцев, присоединилась к каре восставших москвичей. Около 13.30 на площадь буквально ворвались матросы гвардейского экипажа, сломав с ходу заслон павловцев на узкой Галерной улице. Встреченный ликованием москвичей и роты лейб-гренадер матросы – гвардейцы, по словам Сутгофа, в большом порядке колонне заняли место между каре и строящимся Исаакиевским собором. Около двух часов по полудни адъютант 2-го батальона лейб-гвардии Гренадерского полка поручик Панов, обходя роты, горячо убеждал солдат присоединиться к полкам Гвардейского корпуса, выступившим в поддержку Константина. Страстная агитация Панова была подкреплена доносившимися до казарм звуками оружейных выстрелов на Сенатской площади. Около половины третьего колонна Панова вместо того, чтобы идти на площадь напрямик по льду реки, пересекла реку и, по словам А. Бестужева, пошла по ошибке по набережной, достигла Зимнего дворца и даже ворвалась во двор царской резиденции. Но там вместо ожидаем

Пановым измайловцев оказался батальон гвардейских сапер, бывших на стороне Николая I. Панов развернул гренадер и направился к месту сбора восставших войск через Дворцовую площадь. Около 2 часов 40 минут пополудни гренадеры Панова возле здания Главного штаба столкнулись с Николаем I, его свитой и сопровождавшими их кавалергадрами. Выказавший желания участвовать в рукопашной, схватке Николай I вынужден был пропустить лейб-гренадер. На исходе второго часа дня они присоединились к своим товарищам на площади, расположились на левом фланге московцев со стороны Невы, не проявив по пути на сборный пункт интереса к орудиям гвардейской пешей артиллерии, для захвата которых не требовалось больших усилий. На этом приток сил к восставшим закончился. Между приходом на площадь первого отряда московцев и последнего отряда лейб-гренадер прошел более четырех часов. В этот промежуток времени к Николаю I подходили новые и новые полки, и вскоре, примерно к двум часам дня, все выходы с площади практически были заблокированы. Около трех часов подошла вызванная императором артиллерия, но, как оказалось, без боевых зарядов. Срочно послали на Выборгскую сторону снарядами, начиненными картечью. Три из четырех прибывших орудий выдвинули на угол Адмиралтейского бульвара и Сенатской площади, а одно расположили у Конногвардейского манежа. В ожидании подвоза снарядов правительственные войска после неудавшейся попытки великого князя Михаила Павловича вступить в переговоры с восставшими неоднократно предпринимали кавалерийские атаки. Основное усилие восставших было направлено на привлечение на свою сторону войск и сосредоточение их на сборном пункте. Дальнейший же план действий был довольно неопределенным, да и не мог быть таковым без ясного представления о составе и численности своих сил. Но и в этом случае на стороне первоначально была инициатива – большое преимущество перед правительством находившемся в неведении относительно их действий. Однако руководители восстания, как справедливо отмечают исследователи, так и не сумели использовать этот главный козырь и постепенно из стороны нападающей превратились в пассивно обороняющуюся, упустив все благоприятные моменты. Продолжать ждать появления диктатора на площади больше было нельзя. Почти насильно поручили начальствовать Оболенскому. Произошло это где-то между 3 и 3.30 пополудни. Новоизбранный диктатор предпринял попытки созвать офицеров для совещания, но всякий раз тому препятствовали атаки правительственной кавалерии, вынуждавшие командиров оставаться вместе с солдатами для их отражения. Около 4 часов, а по удостоверению флигель-адъютанта Н.Д. Дурново, «в пятом часу были доставлены картечные заряды. Вдруг полки стоявшие против восставших расступились на две стороны и батарея артиллерии стала между ними. Но и тогда еще оставалась надежда на счастливый случай. И.И. Пущин, рассчитывая выиграть на выжидании, сказал своим товарищам, что надо подождать темноты, а там и другие полки перейдут на нашу сторону. Для надежд были основания. В своих записках декабрист А.П. Беляев пишет, что во время стояния на площади из полков, находившихся на стороне правительства, приходили солдаты и просили держаться до вечера, когда обещали присоединиться к восставшим. О том же пишет в своей работе «Четырнадцатое декабря» декабрист И. Д. Якушкин: «Через народ беспрестанно передавались обещания солдат полков Преображенского, Павловского, Семеновского по наступлении ночи присоединиться к войскам, стоявшим на Сенатской площади, а между тем наступил уже вечер, люди перезябли, и с обеих сторон чувствовалась необходимость приступить к решительному действию». Видимо, рассчитывая на возможность такого поворота событий, А. Бестужев составил план атаки на правительственные войска, но для его осуществления ждал присоединения хотя бы еще одного полка. Однако опасность ситуации осознавал и Николай I, не дожидаясь наступления полной темноты, отдал приказ стрелять картечью. Но приказ был исполнен не тотчас: солдат

артиллеристы не решались стрелять по своим. Командовавший орудием офицер сам положил фитиль к запалу. До боевых порядков мятежных войск было 100-150 шагов. Т

описывает те события сам Н. Бестужев : “Первая пушка грянула, картечь рассыпалась: одни пули ударили в мостовую и подняли рикашетами снег и пыль столбами, другие вырвали несколько рядов из фронта, третий визгом пронеслись над головами и нашли своих жертв в народе, лепившимся между колоннами сенатского дома и на крышах соседних домов. Семь человек, ошеломленные упали: я не слышал ни одного вздоха, не приметил ни одного судорожного движения – сто жестоко поражала картечь на этом расстоянии. Совершенствованная тишина царствовала между живыми и мертвыми. Другой и третий выстрелы повалили кучу солдат и черни, которая толпами собралась около нашего места... с пятым или шестым выстрелом колонна дрогнула. “За мной, ребята!” – крикнул я москвичом и спустился на реку. Посредине остановил солдат и с помощью унтер-офицеров нахал строить густую колонну с намерением идти по льду Невы до самой Петропавловской крепости и занять ее. Если бы это удалось, мы бы имели прекрасное point d’appui (опорный пункт), куда бы могли собраться все наши и оттуда мы бы могли с Николаем начать переговоры, при пушках, обращенных во дворец. Я уже успел выстроить три взвода, как завизжало ядро, ударившись в лед и прыгнуло рикашетами вдоль реки. Я продолжал строить колонны, хотя ядра вырывали из нее то справа, то ряд слева. Уже достраивался хвост колонны, как вдруг раздался крик: «Тонем!» Я увидел огромную полынью, в которой барахтались и тонули солдаты. Лед, под тяжестью собравшихся людей и разбиваемый ядрами, не выдержал и провалился. Солдаты бросились к берегу Невы...”²²

Тем временем Панов и М. Кюхельбекер, сохранившие мужество и хладнокровие, тоже предприняли попытки оказать сопротивление. Им удалось построить часть солдат на Галерной улице, но переброшенное сюда орудие открыло огонь вдоль узкой и тесной улицы, расстроив порядки солдат. К 5 часам вечера восстание было подавлено; начались аресты его участников. Так трагично, и так безжалостно было подавлено восстание 14 декабря 1825 года в котором немалое участие приняла гвардия, которая как видно сражалась сама собой, защищая интересы разных правящих верхушек. Выстрелы на Сенатской площади возвестили о том, что на исторической арене появилось первое поколение революционеров в России, открыто и без страха, с оружием в руках поднявшихся на борьбу против крепостничества и самодержавия. Две недели спустя, 29 декабря 1825 года, началось восстание Черниговского полка на юге России. Его возглавил С.И.Муравьев-Апостол. Оно началось в тот момент, когда членам «Южного» общества стало известно о разгроме восстания в Петербурге и когда уже были арестованы П.И.Пестель и другие деятели «Южного» общества. Изначально восстание Черниговского полка было обречено на поражение. Уже через неделю 3 января полк был окружен войсками правительства и расстрелян картечью.

➤ Потери сторон ²³

Из сподвижников воцарившегося императора 14 декабря пострадали:

Военный генерал-губернатор граф Милорадович, смертельно раненный Каховским и Е. Оболенским и скончавшийся того же 14 декабря. Командир 1-й гвардейско-пехотной бригады генерал Шеншин, раненный саблей князем Щепиным в казармах Московского полка. Служивший в штабе штабс-капитан квартирмейстерской части Гастфер, раненный Каховским кинжалом в голову за неисполнение требования. Флигель-адъютант И. М. Бибииков, сильно избитый, когда был послан за гвардейским экипажем. Избитый прикладом до пот

ри сознания бывший на посту у памятника Петра конный жандарм Петербургского дивизиона Коновалов. Лошадь его исколота штыками. По некоторым данным был избит также и Я. Ростовцев.

В строю полков пострадали:

В Московском полку командир полка генерал-майор Фредерике, полковник Хвошинский, 5-й фузилерной роты унтер-офицер Моисеев и гренадер Андрей Красовский, все четверо израненные саблей Щепиным, в свалке за знамена сильно избит гренадер Соломон Красовский.

Гренадерского полка командир полковник Стюрлер смертельно ранен 14 декабря Каховским на площади и умер 15 декабря. По некоторым данным избит и полковой адъютант Зольца.

В лейб-гвардии Павловском полку картечью, выпущенной по восставшим и задевшему головную часть павловцев на Галерной, смертельно ранен 30 чел., из них более тяжело 7 (унтер-офицер Шонин, флейтщик П. Андреев, рядовые Тюрин, Волков, Симанов, Афанасьев и Попов), остальные 23 легко, по-видимому, осколками, отбитыми от домов или при свалке.

Лейб-гвардии Конного полка смертельно ранен и умер 15 декабря 1 рядовой Панюга (его кираса и каска хранились в Царскосельском арсенале, а в 70-м году передана в полк и хранились в столовой 3-го эскадрона, ныне в музее революции в Санкт-Петербурге).

Ранен в локоть левой руки командир 2-го эскадрона полковник барон Велио и в правое плечо того же эскадрона 1 рядовой (Хватов). Обоим отняли руки. Кроме того ранены: 7-го эскадрона штаб-ротмистр Н. Игнатъев, 2-го эскадрона поручик Талахов - зарядом дроби и 7 нижних чинов (рядовые 1-го эскадрона Лесовой и Бокуменко, 2-го Лобанов и Найденов, 3-го Супрун и вахмистр Данилов, 7-го эскадрона денщик Иванов). Лошадей убита 1, ранено 5. Участники атак единодушно свидетельствовали о большом числе попаданий в кирасы и каски и считали, что если бы Конная гвардия выехала без кирас, как кавалергарды, то потери были бы во много раз больше.

В Конно-пионерном дивизионе убиты 1 унтер-офицер, 1 рядовой, ранено 2 унтер-офицера и 6 рядовых. Под командиром дивизиона Зассом убита лошадь.

В Кавалергардском полку ранен 1 рядовой, 1 лошадь. В Семеновском - ранено 3 рядовых.

В общем убито 2 конно-пионера, смертельно ранены 1 генерал (Милорадович), 1 полковник (Стюрлер) и 2 рядовых (1 конногвардеец и 1 павловец), ранено 2 генерала (Шеншин, Фредерике), 2 полковника (Велио, Хвошинский), 3 обер-офицера (Игнатъев, Галахов и Гастфер) и 30 нижних чинов (1 кавалергард, 8 конногвардейцев, 3 москвича, 7 павловцев, 3 семеновца и 8 конно-пионер), а всего с правительственной стороны убито и смертельно ранено 6 человек и ранено 36 человек.

Потери восставших :

Установить с полной точностью трудно. Очевидец В. Р. Каульбарс утверждает, что офицеры Конной гвардии сосчитали собранных за заборов стройки Исаакиевского собора 56 тел убитых на площади, между ними двух маленьких флейтчиков гвардейского экипажа и унтер-офицера Московского полка с головами, снесенными картечью, 5 тел принадлежало, по-видимому, ремесленникам - зрителям на здании сената, убитым первым выстрелом вверх. Вообще же убитых считалось 70 - 80 человек.

Если вспомнить, что картечь ближнего действия имела приблизительно по 100 чугунных пуль, а выпущено было 4 картечных снаряда, то приведенное число смертельных поражений будет весьма правдоподобно. При преследовании захвачено было около 700 человек, том числе москвичей 370, гренадер 277 и гвардейских моряков 62. Остальные вернулись в казармы добровольно.

В Московском полку: смертельно раненых 2 (унтер офицер Назаров и рядовой Лебедев). Ранены картечью 9 (рядовые: Храпцов, Ефимов и Кондратьев, Савельев, Рыпкин и Т. Афанасьев, Сергеев, Никитин и унтер-офицер Шафеев). Кроме того, ранены рядовые: ушиблен лошадью 1 (Аверьянов), прострелен ружейной пулей 1 (Губин), трое рядовых (Виноградский, Латунин и Вылетков) ранены саблями или палашами. Всего в Московском полку из числа оставшихся смертельно ранено 2 и ранено 14. Число убитых и без вести пропавших точно выяснить не удалось, но тех и других вместе не должно быть свыше 13, так как в подсчетах полкового историка не выяснена судьба именно этого числа людей.

В Гренадерском полку: смертельно ранен 1 (рядовой Шелапутов). Ранено картечью 11 (рядовые: Николенко, Стрелков, Патронов, Савинов, Л. Иванов, Данилов, Кожин, Гурьянов, Ян, Иконников, Бакурин). Поступили с вывихом шеи от ударов 2 (Иван Тимофеев и Леонтий Тимофеев). Всего смертельно ранен 1, ранено 11 и избито 2.

В гвардейском экипаже: убито 5 (матросы Архипов, Лаврентьев, Федоров, Малафеев, флейтщик Ф. Андреев). Смертельно раненых 5 (матросы: Анатуин, Тулапин, Кириллов, Соколов и команды канонир Н. Иванов). Раненых картечью 14 (матросы И. Зайцев, Шишманов, Суровой, Пегов, Кононов, Ерыгин, Королев, Крюков, Трунов, Р. Волков, Захаров, Крылов, С. Зайцев, Кулаков), сильно придавлен лошадью 1 (матрос И. Хватов). Без вести пропало 15 человек (матросы: Стефансон, Шабанов, Григорьев, Яковлев, Антонов, Васильев, Голубков, Морозов, Богданов, Аксенов, С. Афанасьев, бомбардиры: Овечкин, Камеский и Черняков). В крепость посажено 51 человек. Итого в экипаже убито 5, смертельно ранено - 5, ранено - 15, без вести пропало - 15 и арестовано - 51.

➤ **Наказанья, наложенные на руководителей и участников восстания²⁴.**

Приговоренные к четвертованию вожди восстания, бывшие офицеры Рылеев и Каховский, повешены 13 июля 1826 г.

Приговоренные к отсечению головы сосланы на пожизненную каторгу: диктатор, полковник Преображенского полка Трубецкой, принявший под конец командование старший

адъютант Е. Оболенский, гвардейский артиллерист И. Пущин и Нижегородский драгун Якубович, а также главные руководители восстания в своих частях: Московского- Щепин Ростовский, Гренадерского - Сутгоф и Панов и гвардейского экипажа - Арбузов и Дивов. Из той же категории сосланы на каторгу на 20 лет адъютант герцога А. Виртембергского лейб-драгун А. Бестужев и невоенный В. Кюхельбекер.

Сосланы на каторжные работы пожизненно: руководители восстания в Московском полку- М. Бестужев и в гвардейском экипаже- Н. Бестужев; на 12 лет Конного полка- Одецкий и гвардейского экипажа- А. Беляев и П. Беляев. в 1827 г. Московского полка- Луцкий и фузилер Покеткин. На 10 лет - Финляндского полка- Розен и невоенный Глебов; на 5 лет - Финляндского полка- Репин и гвардейского экипажа М. Кюхельбекер.

Заклучены в крепость с лишением дворянства и воинского звания - на 5 лет гвардейского экипажа М. Бодиско и на 1-год - П. Коновницын.

Разжалованы в рядовые без выслуги с лишением дворянства - гвардейского экипажа Б. Бодиско и финляндского полка- Н. Цебриков.

Разжалованы в рядовые с правом выслуги - Измайловского полка- Фок, гвардейского экипажа Акулов, Вишневский и Э. Мусин-Пушкин и адъютант командира Кронштадтского порта Ф. И. Моллера мичман П. Бестужев.

Переведены в армию теми же чинами с заключением в крепости на 4 г. - Кавалергардского полка- Горожанский, на 1 год - Палицын, на 6 месяцев Измайловского полка- А. П. Вадбольский и Малютин, Гренадерского полка- А. Кожевников и гвардейского экипажа Шпейер, - без заключения в крепости: Измайловского полка- Гудим, Московского полка- Брое и Волков, Гренадерского полка- Шторх и гвардейского экипажа Тыртов. К этой группе могут быть отнесены откомандированные обратно в армию от конной артиллерии И. Коновницын и от Московского полка- Лашкевич.

Высланы: в Березов статский советник Горский (в 1827 г.), за границу англичане Гайнама и Буль (в 1826 г.).

Оставлены без наказания - бывшие на площади, но вернувшиеся Гренадерского полка- Штакельберг, А. П. Пущин, Лелякин, гвардейского экипажа Д. Лермонтов, Баранцев, А. Цебриков, Миллер, Колунчаков и А. Литке; сопротивлявшиеся присяге Вилламов, А. Гагарин, Лукин и Малиновский; агитировавшие против присяги в чужих частях: в 1-м батальёне преображенцев на Миллионной, адъютант князя Хованского конно-егерь А. Чевкин и в 3-м батальёне измайловцев на походе из Петергофа у "Красного Кабачка" лейб-улан А. Скалой. К этой же группе могут быть отнесены назначенные в Сводно-гвардейский полк на Кавказ наравне с ненаказанными офицерами Московского полка- Кудашев, Гренадерского полка- П. Прянишников и Финляндского- Богданов.

Покончил с собой до суда командир 12-го Егерского полка Булатов.

➤ **Наказания, наложенные на гвардейских офицеров²⁵**

Приговорен к отсечению головы и сослан на каторгу пожизненно адъютант главнокомандующего 2-й армии Витгенштейна лейб-гусар Барятинский.

Сосланы на каторжные работы

- на 20 лет - Кавалергардского полка Анненков и Свистунов и того же полка адъютанты главнокомандующих армиями – Крюков, Ивашов, Егерского полка- Басаргин, Финляндского полка- Митьков, адъютант цесаревича гродненский гусар Лунин и ближайший помощник великого князя Николая Павловича, Никита Муравьев;

- на 12 лет - Кавалергардского полка-Чернышев и А. М. Муравьев, Конной артиллерии-Кривцов, Корнилович и Измайловского полка адъютант Раевского, Муханов.

Заключен в крепость на 2 года с лишением дворянства и воинского звания лейб-кирасир ее величества Булгари.

Сосланы в Сибирь на поселение пожизненно: Измайловского полка А. Андреев и Конно-пионерного эскадрона Назимов.

Разжалованы в рядовые без выслуги с лишением дворянства Измайловского полка Н. Кожевников и Конно-пионерного эскадрона М. Пущин и с выслугой - Измайловского полка- Лаппа.

Переведены в армию теми же чинами с заключением в крепость: на 6 мес. - Кавалергардского полка Кологривов, Искрицкий, на 4 мес. - Измайловского полка Гангеблов, на 3 мес. - П. П. Титов, на 2 мес. - Конного полка- Ренкевич и на 1 мес. - Кавалергардского полка Арцыбашев и Васильчиков, адъютант главнокомандующего 1-й армии измайловец В. Мусин-Пушкин и адъютант 2-го пехотного корпуса гусарского полка- Сабуров. Без заключения в крепости: Кавалергардского полка- А. Вяземский, Н. Н. Депрерадович и Свиньин, Конного полка- Алексей Плещеев, Преображенского полка- Н. Шереметев, Гренадерского полка Корсаков, Финляндского полка Добринский и Павловского К. Оболенский.

Оставлены без наказания: Конного полка - Барыков, М. Голицын, А. Плещеев, эскадрон-юнкер Итальянский, Суворов-Рымникский, Бреверн, Колокольцов, Путята, Я.И. Ростовцев. Отчасти сюда можно отнести Финляндского полка Синявина, которому в наказание вменено 3-месячное предварительное заключение.

Покончил с собой до ареста Измайловского полка- Богданович.

➤ **Наказания, наложенные на гвардейских солдат и матросов²⁶.**

Насколько изучены материалы, касающиеся так называемых "декабристов", настолько бедны материалы о солдатской и матросской массе, давшей физическую силу движению при его внешнем проявлении. На основании имеющихся материалов о наказаниях, которым были подвергнуты солдатские и матросские массы, можно сказать следующее. В

арестованные при преследовании и в ближайшие дни нижние чины Московского и Гренадерского полков и гвардейского экипажа и некоторые персонально обвиненные, были посажены в Петропавловскую крепость, а оттуда переведены москвичи в Выборг, а гренадеры и гвардейские моряки в Кексгольм, где и содержались в казематах старинных крепостных сооружений. По окончании расследования они были переведены в армейские и гарнизонные части, преимущественно на Кавказ. В конце 1826 г. было возбуждено заново дело двух нижних чинов Московского полка: унтер-офицере Луцком и фузилере Поветкине, сосланных 6 мая 1827 г. на пожизненную каторгу. Добровольно явившиеся были снова поставлены в строй своих частей, при чем для командования ротами, составленными из бывших восставших, временно назначены были офицеры других частей. В Московском полку - временно командующим полком назначен командир саперного батальона Геруцкий, для командования ротами - поручики того же батальона Аверин, Аделунг, Львов и Завальевский 3-й. Гренадерский полк был временно поручен полковнику Преображенского полка И. П. Шилову. Приказом по Гвардейскому корпусу от 17 февраля 1826 г. гвардейские солдаты, участники восстания, добровольно явившиеся в казармы, были назначены на составление Сводно-гвардейского пехотного полка из 3-х рот Московского и 4-х рот Гренадерского полков с тем, чтобы боевой службой на Кавказе искупить свою вину. Командование Сводным полком было поручено тому же Шилову, батальоном Московского полка Хвощинскому и Гренадерского - Шебеко. Батальоны были названы 2-ми, а фузилерные роты 4-й, 5-й и 6-й; гренадерская рота лейб-гренадер - 2-й гренадерской. В феврале 1827 г. эти батальоны названы 3-ми, а роты обоих полков соответственно переименованы в 3-ю гренадерскую и 7-ю, 8-ю и 9-ю фузилерные. Командующий полком Шипов оставался в списках Преображенского полка. Полк выступил 26 февраля 1826 г. и вернулся в Петербург 14 декабря 1827 г. Чины полка сохраняли все время свою гвардейскую форму, старшинство, жалованье, и вообще на Кавказе полк был в привилегированном положении. За время пребывания на Кавказе была деформирована 3-я гренадерская рота Московского полка. При составлении ее поступили из кавказских армейских частей 27 унтер-офицеров и 118 рядовых бывшего Семеновского полка, сосланные на Кавказ в 1820 г. после шварцезской истории. Кроме того, на укомплектование полка из числа переведенных в армию участников восстания 14 декабря поступило 581 бывших гвардейцев, а также 264 отборных солдат кавказских полков. Из указанного выше видно, что Сводный полк вернулся в столицу имея в своем составе из солдат, участников восстания 14 декабря, не только добровольно явившихся и попавших сразу в Сводный полк, но и почти всех бывших арестованных, сидевших в крепости и переведенных сперва в армейские полки на Кавказ. По прибытии в Петербург, Сводный полк был упразднен, а его Московский и Гренадерский батальоны вернулись снова в состав своих коренных полков третьими батальонами.

➤ Награды правительственным войскам²⁷

Весьма показательны для эпохи и для правительства не только меры строгости по отношению к восставшим, но и меры поощрения верных правительству начальников и войск. Всем нижним чинам, бывшим в строю правительственных войск у Сенатской площади Зимнего дворца, Петропавловской крепости и в прочих караулах было дано по 2 рубля, 2 чарки водки и по 2 фунта рыбы. Нижним чинам частей, вызванных из-за города, дано по 1 рублю, 1 чарке водки и 1 фунту рыбы. Что касается начальствующих лиц и строевых

офицеров гвардии, свиты и столичного генералитета, оказавших услуги правительству, возглавлявших важнейшие караулы, а также пострадавших, то ими были получены различные образные награды. Не приводя подробно данных о каждом из отличившихся, раненых и прочих награжденных, ниже указываются общие данные об этих наградах. Многим генералам и офицерам были объявлены в приказах общие и именные благодарности. Некоторым даны ордена. Самой крупной и существенной наградой явилось сравнительно массовое зачисление в свиту. Назначение генерал-адъютантами и флигель-адъютантами было в то время не только весьма почетной наградой, но, приближая к императору в качестве личного адъютанта, открывало честолюбивому и мало-мальски способному офицеру блестящую военную карьеру. Ни до, ни после 14 декабря назначение в свиту не имело массового характера. В связи с 14 декабря было назначено 20 генерал-адъютантов и 40 флигель-адъютантов. Принято считать, что в свиту были назначены все гвардейские генералы и командиры бригад, полков, батальонов и дивизионов. На самом деле это не совсем так. Вопрос этот в истории свиты не разработан, а дает характерную картину. Генерал-адъютантами назначены по 25-е декабря оба коменданта: города (Башуцкий) и крепости (Сукин); 14 гвардейских генералов, а именно: командиры: корпуса (Воинов), трех пехотных бригад (1-й Шеншин, 3-й Мартынов и 4-й Головин) и пяти полков (Преображенского - Исленьев, Московского - П. А. Фредерике, Финляндского - Воропанов, Семеновского - Шипов и Драгунского - Чичерин); начальники: штаба (Нейдгардт) и по родам оружия (пехоты - Бистром, артиллерии - Сухозанет и инженеров - Сазонов). Кроме того, назначено генерала персонально (Стрекалов, Ушаков, Потапов и Демидов). 22 августа 1826 г. генерал-адъютантом назначен произведенный 15 декабря 1825 г. в генералы командир гвардейских сапер (Геруа). Флигель-адъютантами по 15 января были назначены все 7 бывших адъютантов великого князя Николая Павловича (Кавелин, Перовский, Н. Годаин, Делинггаузен, Лазарев, Адлерберг и Ивелич); воспитатель наследника (Мердер), один из адъютантов Милорадовича (Мантейфель), 7 командиров гвардейских частей (Гренадерского полка - Стюрлер, Павловского - Арбузов, Измайловского - Симанский, Егерского - Гартовский, 1-ой артиллерийской бригады - Нестеровский, Конной артиллерии - Гербель и Конно-пионерного эскадрона - Засс), 11 офицеров, выдлившихся в рядах правительственных войск 14 декабря или раненых в этот день (Преображенского полка - Микулин, Титов, Игнатьев; Московского - Хвощинский и Ливен; Гренадерского - Мещерский и Зальца; Павловского - Берхман; Финляндского - А. Ф. Моллер и Конного - Велио и Захаржевский). Командиры батальонов и дивизионов, бывших на Сенатской площади просто по должности назначено лишь 8 (Семеновского - Альбрехт и Штегельман, Измайловского - де-Витте, Веселовский, Егерского - Саргер, Преображенского - Прянишников, Кавалергардского - Ланской и Шереметев); один обер-офицер (семеновский капитан Дебань-Скоротецкий); старших полковников назначено 3 (Саперного батальона - Бель, бывший в Зимнем дворце Драгунского - Шембель и Гусарского - Арпсгофен, приведшие свои полки из загородного расположения). Итого 39. Сороковым можно считать Кавалергардского полка полковника Владимира Пестеля, назначенного 14 июля 1826 г., на другой день после казни его брата. Не в связи с 14 декабря назначено лишь 2 человека, бывшие при Александре I в Таганроге и 3 командира гвардейских частей, не вызванных за дальностью 14 декабря (Кирасирского полка Кошкуль, Конно-егерского Слатвинский и лейб-гвардии 2-ой артиллерийской бригады Полозов). Командиры частей, уже бывшие в свите, получили другие награды: Конно-егерского полка А. Ф. Орлов титул графа, и в его герб внесено изменение в изображении льва: изображен раздирающим гидру революции; Кавалергардского С. Ф. Апраксин и Саперного батальона Геруа были произведены в генералы. Генералы, командовавшие полками: Уланским Андреевский и Казачьим Ефремов, не были назначены генерал-адъютантами.

получили алмазные знаки Анны 1-й степени. При рассмотрении наград замечается некоторое несоответствие их с заслугами перед правительством. Понятно назначение в свиту раненых Шеншина, П. Фредерикса, Стюрлера, Велио и Хвощинского, удержавших свои роты и взводы в повиновении Мещерского и Ливена, водившего в атаку Захаржевского, и возглавлявших ответственные батальоны и роты Микулина, Н. А. Титова, П. Н. Игнатьева, Ф. Моллера и Берхмана, но оказавшие правительству гораздо более серьезные услуги Витовтов, спасший быстрым приводом сапер Зимний дворец, и Бакунин, решивший участь дня картечью своих орудий, в свиту не попали, а получили Владимира 4-й степени, тогда как в свиту попал ряд ничем не выделившихся офицеров.

Из адъютантов Милорадовича в свиту попал Мантейфель, сопровождавший Милорадовича и доставивший его в безопасное место после смертельного ранения (получил Владимира 4-й ст.). Не попал в свиту и Финляндского полка Я. Насакен, продержавший свой маленький караул под ружьем у сената, вплотную к восставшим (получил чин и Владимира 4-й ст.). Офицеры караула Зимнего дворца (Прибытков, Греч и Боассель) получили даже не орден, а благодарность в приказе.

Ордена были даны с выбором, а именно, из командиров рот только: двум Финляндского полка (Белевцеву и Вяткину), закрывшим выход на Исаакиевский мост, трем Павловского полка (Макшееву, Федяеву и Ярцу), закрывшим выход на Галерную, и всем четырем Саперного бат. (Витовтову, Квашнину-Самарину, Баранову и кн. А. Н. Вадбольскому), приведшим свои роты на защиту Зимнего дворца. В Кавалергардском и Конном полках ордена были даны всем командирам полков, дивизионов и эскадронов, старшим полковникам, полковым адъютантам, и по 6 эскадрон-юнкеров было произведено в офицеры. При этом не была сделана разница между конногвардейцами, действовавшими в боевой линии, и кавалергардами, простоявшими в резерве. Кроме указанных, были еще денежные награды. Так, в Конном полку всем нижним чинам был дан значительно повышенный оклад, присвоенный до того только кавалергардам. Император Николай во все свое царствование продолжал оказывать особое расположение преображенцам, гвардейским саперам, конноартиллеристам, пионерам и конной гвардии.

Кроме наград отдельным лицам, были даны почетные вновь установленные награды свите и целым частям. Всем бывшим чинам свиты Александра I оставлены его вензеля, всем состоявшим к 14 декабря в ротах его величества Преображенского, Семеновского и Гренадерского полков даны такие же вензеля. Шефство новым императором сохранено в Измаиловском полку и в Саперном батальоне. Мундиры Александра I даны не только в шефских Преображенский и Семеновский полки, но и в остальные гвардейские пехотные, кроме Московского и Гренадерского. Дан также мундир в Гвардейскую артиллерию и из кавалерии только в Кавалергардский, Конный, Гусарский и Конно-егерский полки. Заслуживают быть отмеченными еще следующие факты в области наград. Подпоручик Ростовцев по своему свиданию с Николаем Павловичем 12 декабря усиленно просил не награждать его за сообщение о заговоре в гвардии. На это он получил в ответ заявление, что наградой ему будет дружба императора. Действительно, Ростовцев в свиту Николая попал лишь через год и не за 14 декабря, но состоять при великом князе Михаиле назначен уже в январе 1826 г., а в поручики произведен 18 декабря. Типично для эпохи также, что брат Павла Ивановича Пестеля, Владимир Иванович, полковник Кавалергардского полка, был 14 декабря в строю полка и во главе своего 2-го эскадрона и 1 января награжден орденом Анны 2-й степени. Как уже указано, на другой день казни брата он был назначен флигель-

адъютантом. Тем же приказом 14 июля в Кавалергардский полк из Конно-егерского полка переведен третий брат, поручик Александр Иванович. При этом для службы в самом добром и аристократическом полку ему было дано ежегодное пособие в 3000 рублей. Последними штрихами, связывающими гвардию с революционными вспышками 1825 – 1826 годов, явился ряд переводов в гвардию. Приказом 20 января 1826 г. в гвардию переведена в полном составе 1-я гренадерская рота Черниговского пехотного полка, как единственная оставшаяся на стороне правительства при восстании полка. Командир роты, капитан Козлов был осыпан наградами: 9 января произведен в майоры, 28 января переведен тем же чином в молодую гвардию и 19 марта капитаном в старую гвардию. По прибытии роты в Петербург 14 апреля 1826 г. Козлов получил 2000 руб., а солдаты роты по 2 руб. Рота включена в Московский полк целиком. Еще более типичным для эпохи явился перевод в гвардию лиц, сделавших доносы о заговоре - Шервуда и Майбороды. Унтер-офицер из вольноопределяющихся Шервуд из 3-го Украинского уланского полка был переведен 8 января в Драгунский полк и вскоре произведен в корнеты того же полка, а капитан Вятского полка Майборода был переведен в Гренадерский полк. Так были награждены лица каким то образом участвовавшие в подавлении восстания.

Глава 3.

Краткий военный разбор вооруженного столкновения 14 декабря 1825 года

При рассмотрении событий 14 декабря исключительно с военной точки зрения, как вооруженного столкновения войск двух враждебных сторон, военный разбор этих событий трудно укладывается в шаблонные рамки разборов как обычных для боевых столкновений с войсками иностранных враждебных армий, так и столкновений сторон в гражданских войнах. Вооруженное столкновение 14 декабря имело свои специфические отличия от обычных боевых столкновений названных категорий. Об отличиях от боев с войсками иностранных армий говорить не приходится, так как это ясно само собой; от столкновений в гражданской войне главное отличие было в том, что в солдатской массе не было ни взаимного озлобления, ни сознательной принадлежности к тому или другому лагерю. Обе стороны считали себя лояльными исполнителями солдатской присяги и ждали, что и противная сторона к ним присоединится. У обеих сторон были периоды колебаний и сомнений в своей правоте. Только вожди и руководители действий обеих сторон были, и то не все, сознательными борцами. Озлобление явилось только от внешних причин - долгого стояния на морозе, а у конницы от обстрела, хотя и не очень действительного со стороны восставших. Отметив указанные особенности, можно перейти к попытке военного разбора событий 14 декабря.

➤ **Руководители обеих сторон.**

Вождем восстания должен был явиться С. Трубецкой, руководимый Рылеевым и опирающийся на военный опыт Булатова и Якубовича. Как известно, назначение Трубецкого состоялось перед самым выступлением, и ни он, ни остальные названные лица не взяли командование в свои руки, и импровизированными начальниками явились братья Николай, Михаил и Александр Бестужевы, Каховский, Е. Оболенский, Щепин, Сутгоф, Панов, А. П. Арбузов и другие молодые офицеры. Общим начальником был номинально под конец Оболенский, каждый действовал по своему усмотрению. У правительственной стороны, естественно, вождь Милорадович не принял никаких подготовительных мер и выбыл из строя в самом начале столкновения. Естественный его заместитель и помощник, престарелый командир Воинов растерялся и оказался совершенно не на высоте. Управление войсками и их военными действиями вынужден был взять в свои руки воцарившийся император. Как было указано выше, все его распоряжения по сбору войск на защиту Зимнего дворца, для окружения восставших на Сенатской площади и для вызова резервов из загородного расположения были, с военно-технической точки зрения, планомерны, разумны и своевременны. В отношении принятия решительных мер на самой площади Николай I проявил некоторое колебание. События могли бы принять другой оборот, если бы не настояния более опытных и решительных генералов - принца Е. Виртембергского, Толя и Васильчикова. Мероприятий преследования разбитого противника были достаточно энергичны и настойчивы, меры охраны на случай новых покушений противника - даже чрезмерны, Правительство не сумело определить, что противник разбит окончательно.

➤ Штабы и связь.

Организованного штабного аппарата не оказалось у обеих сторон. У восставших этот важный орган не был совершенно сформирован, и функции по связи несли молодые офицеры П. Коновницын и Палицын. Правительство не подготовило к использованию аппараты главного штаба, ни штаба гвардейского корпуса.

Связь была налажена импровизированно у обеих сторон. У восставших поднимать полк направились часть главных руководителей, Бестужевы и Каховский, и в своих частях действовали М. Бестужев, Щепин, Сутгоф, Панов и Розен, но большей частью без связи друг с другом. Николаю I пришлось также использовать для проведения присяги всех строевых начальников от командиров полков и выше, которых он собрал 14-го с раннего утра. При этом была сделана колоссальная ошибка - дано приказание всем гвардейским офицерам собраться во дворец на молебствие, что оставляло вымуштрованную, покорную и лишённую инициативы солдатскую массу без обычных начальников тем более доступную для агитации противного лагеря. Так оказалось в Гренадерском полку, где офицеры после присяги отправились во дворец, проявилось в Московском, где командир полка собрал офицеров к себе. Наоборот - инициатива Геруа, оставившего ротных командиров саперного батальона в казармах, принесла правительству большую пользу. По возникновении восстания сбор войск производился всеми подручными генералами и адъютантами, что, впрочем, в известной степени соответствовало приемам эпохи, когда не существовало иной связи кроме посылки адъютанта или ординарца. У восставших наиболее удачным явилось в исполнении принятого накануне плана сосредоточения на Сенатской площади, что провели Бестужевы, Щепин, Сутгоф, Панов, Н. Бестужев и А. П. Арбузов подчас вопреки пользе дела.

➤ Состав сторон.

Действия руководителей обеих сторон были крайне затруднены тем, что обе они черпали свою вооруженную силу из одного и того же источника - из рядов строевых гвардейских частей петербургского гарнизона. Поэтому, до последней минуты вожди обеих сторон могли быть твердо уверены, какие именно войска окажутся на их стороне, какие - на стороне противника. Действительность показала, что расчеты и предположения обеих сторон далеко не оправдались. Надежды, возлагавшиеся на полки Кавалергардский и Измайловский, а также на шефские полки цесаревича, Конный и Егерский, не оправдались. Они оказались в строю правительственных войск. Поднять удалось лишь часть Московского Гренадерского полков и весь гвардейский экипаж, где оказались энергичные руководители в лице Бестужевых, Щепина, Сутгофа, Панова, Арбузова, М. Кюхельбекера и Дивоза. Розену удалось нейтрализовать часть Финляндского полка. Правительство также не могло иметь точного учета своих сил. Уже ранее подозрительный для Николая Кавалергардский полк оказался в его руках. Наоборот, среди любимых шефских частей оказались неприятные неожиданности: сопротивление присяге у Измайловцев и отсутствие старшего офицера М. Пущина у конно-пионер. Переход на ту или другую сторону решался в частях иногда импровизированно, благодаря энергии отдельных лиц: так в Кавалергардском полку это сделал командир полка С. Апраксин, в Измайловском адъютант Николая Павловича - Кавелин, в части Московского полка, оставшейся в казармах (свыше 900 человек), и в конной артиллерии присяга осуществилась лишь после личного появления их шефа Михаила Павловича, рассеявшего версию об аресте своем и Константина. Если к решительной минуте

руках восставших оказалось до 3 тысяч штыков без конницы и артиллерии и без общего начальника, а у окружившего их со всех сторон противника около 9 тысяч штыков, 3 тысячи сабель и 36 орудий, то это еще не являлось окончательным показателем соотношения сил. Начальники не могли быть уверены, что в соответствующую минуту остальная артиллерия - 88 орудий и вызванные из-за города 8 батальонов и 22 эскадрона не окажутся в руках противника. Даже между войсками, собранными обеими сторонами на Сенатскую площадь, не было особой уверенности в настроении ни своем, ни противника. У москвичей замечалось колебание, и их карре пришлось обставить со всех сторон свежо прибывшими гренадерами. 137 гренадер по одиночке перешло к правительственным войскам. С другой стороны, настроение финляндцев, отказавшихся стрелять по восставшим, могло передаться и другим полкам. Москвичи и гренадеры считали, быть может - не без основания, что конная гвардия только демонстрирует и в удобную минуту перейдет на их сторону. Это отчасти объясняются незначительные потери конной гвардии при выстраивании под огнем пехоты в 30 шагах, и атаке с этой дистанции: безуспешность атак, быть может, также основана не только на гололедице, гладких подковах и плохих палашах. Ведь 1-му и 2-му эскадронам конной гвардии и конно-пионерам удалось прорваться на быстром аллюре между сенатом и восставшими. Артиллеристы не очень склонны были действовать картечью. Командовавшему орудиями поручику Бакунину пришлось самым энергичным образом добиваться открытия огня первого орудия легкой первой роты. Что касается конной артиллерии, то Николай, после происшествия с присягой, не решился ее вызвать. Шефская батарея роты Михаила Павловича, по преданию, не смогла вывезти орудий сразу, так как построения оказались перерубленными. Вообще, состав сторон и принадлежность к той или иной войсковой части были не слишком большой прочности и устойчивости.

➤ **Организованность, вооружение и снабжение сторон.**

Восставшие роты Московского и Гренадерского полков успели разобрать патроны, большая часть рот гвардейского экипажа вышла без них, а когда прислала за ними, почти все они были испорчены по приказанию командира экипажа. В курки были ввинчены боевые, а учебные деревянные кремни. Артиллерийская команда экипажа не захватила своих 4-х пушек. Зато в строю экипажа была налицо большая часть офицерского состава. В Московском полку было налицо только 2 ротных командира (М. Бестужев и Щепин-Ростовский), у гренадер 1 (Сутгоф). Ни батальонных, ни полковых командиров, ни общего начальника не было. Наоборот, у правительственной стороны весь командный состав был в строю, но зато только пехота вышла с патронами. Артиллерия выехала без снарядов, пришлось добывать с трудом, привезя из лаборатории на извозчиках. Кавалерия была тоже без патронов и даже без пистолетов, с одними тупыми палашами или саблями. Некоторое воздействие на ход событий оказало и то, как были одеты войска. По форме, в мундирах шинелях и киверах, были одеты лишь караулы. Прочая же пехота и артиллерия, вызвавшиеся спешно, по тревоге, были в шинелях, частью в фуражках (преображенцы, саперы, часть гренадер), частью в киверах, но генералы и офицеры, как приглашенные на молебствие, были в парадной форме, в одних мундирах. Конная гвардия выехала в своих белых колетах, железных кирасах и касках, кавалергарды - в одних белых колетах, а 7-й эскадрон - в куртках и фуражках. Поэтому, при длительном стоянии на 8-градусном морозе и ветру войска мерзли, озлоблялись и жаждали скорейшей развязки.

➤ Планы действий и их выполнение.

У восставших главное внимание было сосредоточено на привлечении войск и их сборе. Дальнейшие намерения об овладении дворцом, сенатом и крепостью были довольно неопределенны, да и не могли быть определенными при невозможности учета сил своих противника и характера начальных действий. Тем не менее, взяв инициативу в свои руки, руководители восстания имели большое преимущество перед правительством, принужденным импровизировать парирование наносимых ударов. Однако вожди восстания не смели использовать этот свой главный козырь, из нападающих обратились в обороняющиеся, давших себя окружить превосходным силам противника, упустив все благоприятные моменты. Так, появление Николая с 1-м Преображенским батальоном на Адмиралтейской площади не было встречено энергичным ударом московского батальона, и вообще все собранные восставшие батальоны только топтались и вяло отстреливались. Панов, вравшись во двор Зимнего дворца, вместо того, чтобы с налета опрокинуть только что встроившийся батальон гвардейских сапер, растерялся и вывел гренадер, поведя их на соединение с остальными восставшими. Если у него была смелая мысль захватить дворец, не сумел довести ее до конца. Если он шел ко дворцу, лишь рассчитывая застать там у остальных восставших, то найдя там вместо них противника, он не проявил инициативы, остался под гипнозом задания идти на соединение со своими, - ошибка его меньше, но усилил ее, не сделав попытки захватить императора, его свиту и артиллерию, стоявший почти беззащитно на Адмиралтейской площади при его проходе. Правительственная сторона в начале восстания была в еще более трудном положении. Руководители знали только о самом факте заговора и возможности открытого восстания, но не знали ни плана действий противника, ни тех сил, которые он выхватил себе из рядов гвардии. Начальники, долженствовавшие организовать разведку, - военный генерал-губернатор Милорадович, комендант города Башуцкий и обер-полицмейстер Шульгин - не сделали этого. Старший начальник войск, командующий гвардией Воинов растерялся. Принимать все решения, притом импровизированные, пришлось самому Николаю. Как он с этим справился, отмечено уже выше, проявив быстроту и планомерность распоряжений по сосредоточению сил и нерешительность при их применении. Окружение противника, с закрытием почти всех выходов, было и задумано и выполнено совершенно правильно, равно как и вызов резервов, но в дальнейшем проявились довольно длительные нерешимость и неуверенность. Опытные боевые генералы, бывшие при императоре, понимали всю опасность дальнейшего выжидания и настоятельно потребовали энергичных действий. Николай послушался, спас положение правительства. Интересна параллель: через 5 лет, 18 ноября 1830 года при такой же обстановке в Варшаве Константин не послушался требований своих генералов, результатом чего явилось отступление его войск и первые успехи польского восстания. Совет принца Е. Виртембергского об атаке конницы был выполнен, но не дал достаточных результатов, так как выполнение было вялое. Зато исполнение требований Толя и Васильчикова - действие картечью - решило участь столкновения. Оправдался девиз, помещенный прусскими королями на свои пушки: "Ultima ratio regis"²⁸ ("Последний довод короля"). Этот последний довод применили и решили участь последнего восстания стрельцов братья Ярин Шеин и генерал Гордон у Воскресенского монастыря на Истре 18 июня 1698 г., Николай I при восстании гвардии 14 декабря 1825 года в Петербурге и генерал Гейсмар у деревни Устиновки при восстании Черниговского пехотного полка 3 января 1826 г.

При подведении итогов ясно, что обе стороны не имели ни разработанного плана действий, ни военной находчивости и почину, ни решимости на энергичный удар, хотя с

рискованный, проявили достаточную энергию лишь в деле сбора и сосредоточения сил.
Оправданием для восставших является прежде всего отсутствие настоящего военного вл
ждя и вынужденность преждевременного выступления из-за опасения упустить исключ
тельно благоприятное положение - междуцарствия и присяги двум лицам в короткий ср
Вообще же, события 14 декабря требуют еще большего изучения с военной стороны, к
несомненно дающие очень поучительный материал и по военному делу вообще и особен
в области гражданской войны в начальных ее периодах.

Заключение.

Восстание 14 декабря 1825 года оставило трагический след в истории нашей Родины. Этот трагический день занимает важное место в истории революционного движения России. Это было первое открытое выступление с оружием в руках в целях свержения самодержавия и ликвидации крепостного права. Не даром В. И. Ленин начинает с Декабристов периодизацию русского революционного движения. Значение движения Декабристов было понято уже их современниками: «Не пропадёт ваш скорбный труд»²⁹, — писал А. С. Пушкин. Уроки восстания декабристов усваивались их преемниками по революционной борьбе: Герценом, Огарёвым, последующими поколениями русских революционеров, которые вдохновлялись подвигом декабристов. Профили пяти казнённых декабристов на обложке «Полярной звезды» Герцена были символом борьбы против царизма. Декабристы внесли значительный вклад в историю русской культуры, науки и просвещения. Одним из видных поэтов начала 19 в. был К. Ф. Рылеев, творчество которого пронизано революционными и гражданскими мотивами. Они были страстными просветителями. Они боролись за передовые идеи в педагогике, постоянно пропагандируя идею о том, что просвещение должно стать достоянием народа. Не все задуманное свершилось. Удалось поднять на восстание не все намеченные полки. Среди восставших не оказалось артиллерийских частей. Диктатор Трубецкой изменил восстанию и не явился на площадь. Восставшие войска построились перед пустым зданием сената — сенаторы уже принесли присягу и разъехались. Привлечь к восстанию народ декабристы побоялись: он мог бы пойти дальше, чем они рассчитывали. Главное в том, что декабристы были далеки от народа. Они пугали восставшего народа и ужасов французской революции. А дальше — царская карточка положила конец первому русскому революционному восстанию. 13 июля 1826 г. на кронверке Петропавловской крепости были повешены Кондратий Рылеев, Павел Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин, Петр Каховский. 121 декабриста сослали в Сибирь на каторгу или поселение. Множество солдат — участников движения — прогнав сквозь строй, сослали в Сибирь или на Кавказ, где в то время шли военные действия. Восставшие полки расформировали. Декабристы были разгромлены, но не даром Ленин сказал: «Их дело не пропало»³⁰. Декабристы положили начало русскому революционному движению. Их борьбу против самодержавия и крепостного права продолжили следующие поколения революционеров. События 14 декабря 1825 года на Сенатской площади широко известны в российской истории как венец движения декабристов, одно из первых проявлений революционного духа русского общества, первое революционное выступление против самодержавия. Во всяком случае, так это расценивал В.И. Ленин, и, естественно, вся официальная советская историография. Однако, вся информация об этих событиях преподносится очень однобоко, все сводится буквально к нескольким фамилиям и двум-трём событиям, выгодно освещающих деятельность заговорщиков. Все остальное дается лишь в виде тусклого размытого фона. Прежде всего, это пятеро декабристов, которые были повешены по приговору суда в Петропавловской крепости, да несколько фамилий людей, которые потом долгие годы, как писал Пушкин: "...во глубине сибирских руд храните годное терпение", но которые в день восстания повели себя не лучшим образом. Немного отвлекаясь, заметим, что в советских описаниях этих событий о князе Трубецком, которого прочили в предводители "освобожденной России", скромно указывается, что он на площадь не явился и его не могли найти. Оказывается, явился и прятался за углом, наблюдая, что из всего этого выйдет!. А один из самых решительных и радикальных декабристов (

советской истории) Якубович? Он просто предал своих солдат, подбив их на бунт. Вскользь упоминается об убийстве декабристами героя Отечественной войны генерала губернатора Петербурга генерала от инфантерии М.А.Милорадовича и скороговоркой о том, что гвардейские полки принимали участие в событиях на стороне декабристов (действительности только 5 и 6 роты лейб-гвардии Московского полка, лейб-гвардии Гренадерский полк без 1-й роты всего с двумя офицерами и лейб-гвардии флотский Экипаж). Собственно, это и все. Все материалы описывающие именно восстание кишат противоречиями друг с другом. Поэтому я счел нужным найти схожие по сути описания событий того времени и наиболее подробно, насколько это позволяют имеющиеся в моем распоряжении материалы, осветить выше, участие в этих событиях гвардейских полков и с той и с другой стороны.

Приложение №1
План Санкт – Петербурга³¹:

СХЕМАТИЧЕСКИЙ
ПЛАН
С.-ПЕТЕРБУРГА

1825 года

С НАНЕСЕНИЕМ КАЗАРМЕННОГО РАСПОЛОЖЕНИЯ
ГВАРДЕЙСКИХ ЧАСТЕЙ И ПУТИ ИХ СЛЕДОВАНИЯ
К СЕНАТУ И ЗИМНЕМУ ДВОРЦУ 14 ДЕКАБРЯ

Пояснительная таблица

Районы казарменного расположения 1825 г.

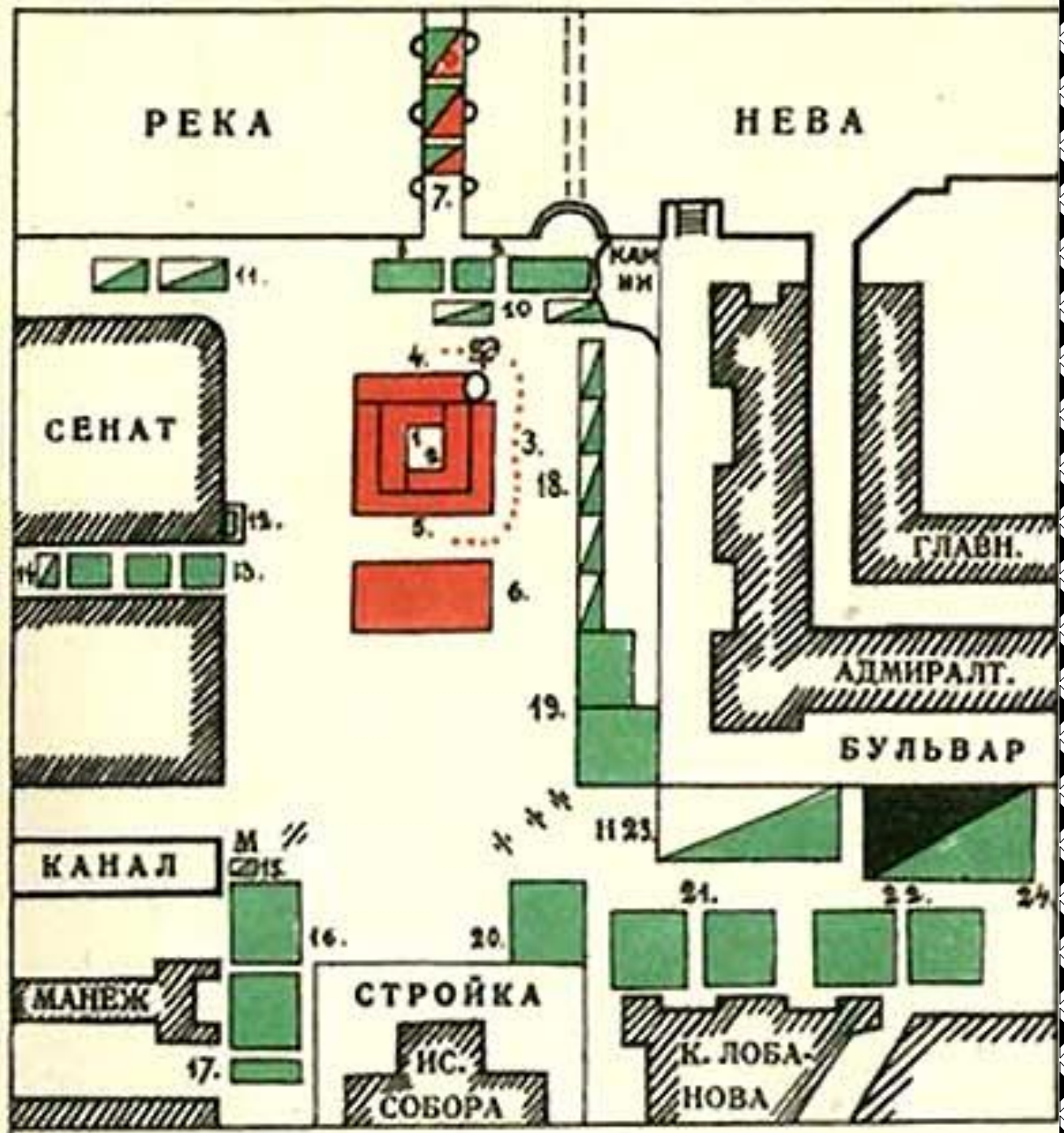
1. Преображенского: 1а - 1-й батальон, 1б - 2-й батальон
2. Семеновского
3. Измайловского
4. Егерского
5. Московского
6. Гренадерского
7. Павловского
8. Финляндского
9. Гвардейского Экипажа
10. Лейб гвардии Саперного батальона
11. Кавалергардского полка и Лейб гвардии Черноморского казачьего эскадрона
12. Лейб гвардии Конного полка: 12а - 3, 4, 5, 6 и 7-го эскадронов, 12б - 1 и 2-го эскадронов
13. Лейб гвардии 1-го Конно-пионерного эскадрона
14. Лейб гвардии Жандармского полуэскадрона
15. Лейб гвардии 1-й артиллерийской бригады
16. Лейб гвардии Конно-батарейной батареи
17. Учебного карабинерного полка 1 и 2-й батальоны
18. Учебного Саперного батальона

Главные здания, связанные с событиями 14 декабря 1825

- С. - Сенат
- А. - Главное Адмиралтейство
- З.Д. - Зимний дворец
- К. - Кронверк
- П.К. - Петропавловская крепость
- А.Д. - Аничковский дворец
- + - стройка Исаакиевского собора

Приложение №2

План Сенатской площади³²:

ОБОЗНАЧЕНИЯ:

	ПЕХОТА ВОССТАВШИХ ВОЙСК
	„ НЕЙТРАЛЬНЫХ „
	„ ПРАВИТЕЛЬСТВ. „
	КАВАЛЕРИЯ „ „
	АРТИЛЛЕРИЯ „ „
	4 ОРУД. ЛЕГК. № 1 РОТЫ Л.-ГВ. 1 АРТ. БРИГ.
Н	ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I
М	ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ
	ПАМЯТНИК ПЕТРУ I
1—24	ОБОЗНАЧЕНИЯ ВОЙСК. ЧАСТЕЙ
	(СМ. ПОЯСНИТЕЛЬНУЮ ТАБЛИЦУ)

Пояснительная таблица

Войска, расположенные на схеме

- **Восставшие**
(около 3000 чел. пехоты)

Каре А.Бестужева

Лейб гвардии Московский полк - 671 чел.

- 1. Фас М.Бестужева - 2 1/2 роты
- 2. Фас Щепина - 2 роты
- 3. Цепь Е.Оболенского - ок. 40 чел.

Лейб гвардии Гренадерский полк - около 1250 чел.

- 4. Фас Сутгофа - 1 рота
- 5. Фасы Панова - 1 батальон (4 роты)

Колонна Н.Бестужева

Гвардейский экипаж - около 1000 чел.

- 6. 1 батальон (8 рот и артиллерийская команда)

- **Нейтральные**
(около 500 человек пехоты)

- 7. Лейб гвардии Финляндский полк барон Розен - 2 1/2 роты

➤ **Правительственные войска**

(пехоты около 9000 чел., кавалерии - около 3000 чел., артиллерии - 36 орудий)

- 8. Лейб гвардии Преображенского полка - 1 рота
- 9. Лейб гвардии Финляндского полка - 1 1/2 роты
- 10. Лейб гвардии Конного полка - 2 эскадрона
- 11. Лейб гвардии Конного полка и 1-го Конно-пионерного эск. - 1 3/4 эскадрона
- 12. Лейб гвардии Финляндского полка караул - около 25 чел.
- 13. Лейб гвардии Павловского полка сводный батальон - 3 роты
- 14. Лейб гвардии 1-го Конно-пионерного - 1/4 эскадрона
- 15. Лейб гвардии Кавалергардского полка - 1/4 эскадрона
- 16. Лейб гвардии Семеновского полка - 2 батальона (8 рот)
- 17. Лейб гвардии Гренадерского полка сводная рота - 137 чел.
- 18. Лейб гвардии Конного полка - 5 эскадронов
- 19. Лейб гвардии Преображенского полка - 1 3/4 батальона (7 рот)
- 20. Лейб гвардии Московского полка сводный батальон - 641 чел.
- 21. Лейб гвардии Измайловского полка - 2 батальона (8 рот)
- 22. Лейб гвардии Егерского полка - 2 батальона (8 рот)
- 23. Лейб гвардии Кавалергардского полка - 6 3/4 эскадрона
- 24. Лейб гвардии 1-й артиллерийской бригады - 2 3/4 роты (32 орудия)

Список используемой литературы:

1. Н.А. Арзуманов «И душ высокое стремление». СПб., 2000г
2. Э.А. Павлюченко. «В добровольном изгнании.» М., 1991г.
3. «Мемуары декабристов.» Составление, общая редакция, вступительная статья и комментарии профессора В.А. Федорова.
4. А.Ф. Замалеев, Е.А. Овчинникова. «Революционная мораль декабристов.» Пермь., 1989 г.
5. И.Ульянов. История Российских войск. Регулярная пехота. 1801-1855. Москва. АСТ.1996.
6. С.Г.Волконский. Записки. Восточно-Сибирское книжное издательство. Иркутск 1991г.
7. Муравьев Н.М. Письма декабриста. 1813—1826 гг. М., 2001
8. Измайлов Н.В. А.А. Бестужев до 14 декабря 1825 г. // Памяти декабристов. Л., 1926. Т. 1.
9. Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990
10. 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев. СПб., 1999
11. Тургенев Н.И. Россия и русские. М., 2001
12. Нечкина М.В. Общество соединенных славян. М.; Л., 1927
13. Чернов С.Н. Павел Пестель. СПб., 2004
14. Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года М.; Л., 1926
15. Чернов С.Н. У истоков освободительного движения в России. Саратов, 1960
16. Окунь С.Б. Декабрист М.С. Лунин. Л., 1985
17. Эйдельман Н.Я. Обреченный отряд. М., 1987
18. 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб. 1997.
19. Потапова Н. Д. «Что есть истина?» Критика следственных показаний и смена исторических парадигм (Еще один взгляд на проблему «движение декабристов») // Исторические записки. Вып. № 3(121). М., 2000.
20. Жуковская Т. Н. Тайное общество декабристов: Европейские влияния и российский контекст // Империя и либералы. СПб., 2001.
21. Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. М., 2003
22. Киянская О.И. Южный бунт. Восстание Черниговского пехотного полка. 29 декабря 1825—3 января 1826. М., 1997
23. Киянская О.И.
24. Южное общество декабристов. Люди и события. Очерки истории тайных обществ 1820-х годов. М., 2005
25. Декабристы рассказывают. М., Молодая гвардия, 1975
26. Записки, статьи, письма декабриста А.Д.Якушкина. М., Издательство академии наук СССР, 1951

27. Мемуары декабристов, Северное общество. М., Издательство Московского университета, 1981.
28. Мемуары декабристов, Южное общество. Под ред. И.В.Пороха и В.А.Федорова М., Издательство Московского университета, 1982.
29. М. В. Нечкина. Декабристы. - М., 1982
30. М. В. Нечкина. День 14 декабря 1825 года. - М., 1985
31. Д. Мережковский. 14 декабря. Николай Первый. - М., 1994
32. Декабрист Иван Дмитриевич Якушкин: книга для учащихся. М., Просвещение, 1987.
33. История СССР, том II, Россия в XIX веке. М., Государственное издательство политической литературы, 1949.
34. А. И. Гессен «Во глубине сибирских руд...», 1965 г.
35. Энциклопедия Аванта «История России и ее ближайших соседей». Том 5, часть 2, 1999 г.
36. «Большая советская энциклопедия». Том 13, 1972 г.
37. В. Соловьев «История России для детей и взрослых», 2001 г.
38. М. Д.Сергеев, Н. Н.Гончарова, А. Ф.Серебряков «Декабристы и Сибирь», 1988 г.
39. Н. Я. Эйдельман «Обреченный отряд», 1987 г.
40. Н. Я. Эйдельман «Твой девятнадцатый век», 1980 г.
41. С. Ф. Мироненко «Декабристы. Биографический справочник», 1988 г.
42. Л. А. Медведская «Сергей Иванович Муравьев-Апостол», 1970 г.
43. В. Г. Маранцман «Художественная литература», 1991 г.
44. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994
45. Ильин П.В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825—1826 гг. СПб., 2004
46. Г.С. Габаев «Гвардия в декабрьские дни 1825 года» . СПб., 1989
47. Пестель П.И. «Восстание декабристов», т. 4 М.-Л., 1927
48. Измайлов Н.В. А.А. Бестужев до 14 декабря 1825 г. // Памяти декабристов. Л., 1926. Т. 1
49. Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т.1.
50. Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг. М. 1988г. Т.1.
51. Эйдельман Н.Я. Пушкин и декабристы. М. 2005г
52. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т 21.,
53. Г. С. Габаев. Гвардия в декабрьские дни 1825 г. М., 2001 г.

Сноски:

- ¹ 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев. СПб., 1999
- ² Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 69 см. в книге: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 199
- ³ Ильин П.В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825—1826 гг. СПб., 2004
- ⁴ М. В. Нечкина. Декабристы. - М., 1982
- ⁵ Г.С. Габаев «Гвардия в декабрьские дни 1825 года». СПб., 1989
- ⁶ Пестель П.И. «Восстание декабристов», т. 4 М.-Л., 1927
- ⁷ Декабристы рассказывают. М., Молодая гвардия, 1975
- ⁸ И. Герцен. Записки декабристов. Лондон, 1863.
- ⁹ Пестель П.И. «Восстание декабристов», т. 4 М.-Л., 1927
- ¹⁰ Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. М., 2003
- ¹¹ Измайлов Н.В. А.А. Бестужев до 14 декабря 1825 г. // Памяти декабристов. Л., 1926. Т. 1
- ¹² Измайлов Н.В. А.А. Бестужев до 14 декабря 1825 г. // Памяти декабристов. Л., 1926. Т. 1
- ¹³ Измайлов Н.В. А.А. Бестужев до 14 декабря 1825 г. // Памяти декабристов. Л., 1926. Т. 1
- ¹⁴ Измайлов Н.В. А.А. Бестужев до 14 декабря 1825 г. // Памяти декабристов. Л., 1926. Т. 1
- ¹⁵ И. Герцен. Записки декабристов. Лондон, 1863.
- ¹⁶ Декабристы рассказывают. М., Молодая гвардия, 1975
- ¹⁷ Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т.1.
- ¹⁸ Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. М., 2003
- ¹⁹ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг. М. 1988г. Т.1.
- ²⁰ Воспоминания декабристов. Т.11
- ²¹ М. В. Нечкина. День 14 декабря 1825 года. - М., 1985
- ²² Воспоминания декабристов. Т.11
- ²³ Н. Я. Эйдельман «Обреченный отряд», 1987 г.
- ²⁴ М. Д. Сергеев, Н. Н. Гончарова, А. Ф. Серебряков «Декабристы и Сибирь», 1988 г.
- ²⁵ М. Д. Сергеев, Н. Н. Гончарова, А. Ф. Серебряков «Декабристы и Сибирь», 1988 г.
- ²⁶ М. Д. Сергеев, Н. Н. Гончарова, А. Ф. Серебряков «Декабристы и Сибирь», 1988 г.
- ²⁷ Нечкина М.В. Декабристы: Учебн. пособие. - М.: Наука, 1976
- ²⁸ Новосельцев А.П., Сахаров А.Н., Буганов В.И., Назаров В.Д. История России: Учебн. пособие. – М.: АСТ, 2001
- ²⁹ Эйдельман Н.Я. Пушкин и декабристы. М. 2005г
- ³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т 21., с 261
- ³¹ Г. С. Габаев. Гвардия в декабрьские дни 1825 г. М., 2001 г.
- ³² Г. С. Габаев. Гвардия в декабрьские дни 1825 г. М., 2001 г.